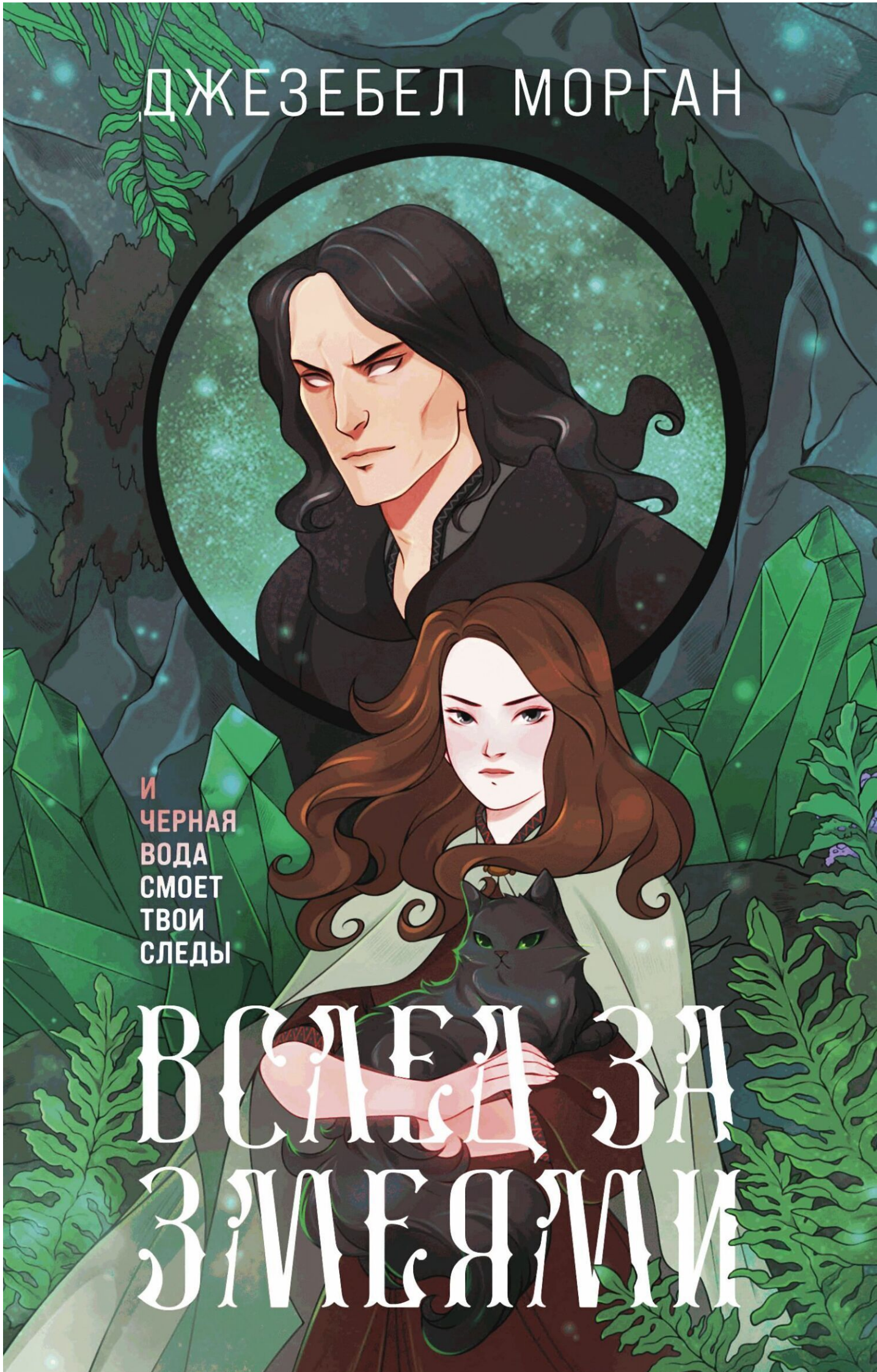

ДЖЕЗЕБЕЛ МОРГАН

И
ЧЕРНАЯ
ВОДА
СМОЕТ
ТВОИ
СЛЕДЫ

ВСЕЕД ЗА
ЗВЕЯМИ

Охотники за мирами

Джезебел Морган

Вслед за змеями

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Морган Д.

Вслед за змеями / Д. Морган — «Эксмо», 2021 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-159542-5

Не верьте, что сказки заканчиваются по-доброму. Они обращаются мраком. Даже спустя несколько лет после возвращения из Нави сестры замечают странные тени и белые глаза в толпе. Марья прячется от самой себя в ледяной сон, в Анне все меньше остается от человека. А сквозь расколотое небо в мир живых тянется Навь. И когда Марья находит вместо сестры древнюю хтонь в ее теле, все, что ей остается, — звать на помощь свой самый большой кошмар. И идти вслед за змеями — в надежде еще хоть что-то исправить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159542-5

© Морган Д., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
1	10
2	17
3	23
4	32
5	38
6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джезебел Морган

Вслед за змеями

© Морган Дж., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Небо над лесом – треснувшая миска. Мерещится: пока смотришь – все длиннее становятся трещины, все шире и глубже. Смотришь – и с той стороны глядит на тебя нечто древнее и чуждое. И пока не отводишь глаз – ты зовешь его своим взглядом. Глупость, конечно. Если б можно было залатать небо, просто не глядя на трещины, он уже выколол бы себе глаза.

Он отводит взгляд, смотрит под ноги: туман мягко обнимает щиколотки, белесой дорожкой выстилает тропу к заветной поляне. На редких кустарниках жимолости голубеют ранние ягоды, и он срывает пару, долго мнет в пальцах, прежде чем съесть. Рот сразу наполняется горько-кислой слюной.

Еще одно маленькое напоминание, что он жив. Что может есть ягоды с куста, пить воду из ручья. Может сойти с тропы и не бояться смерти.

Но сейчас нужно спешить – он и так опаздывает. Каждый шаг дается тяжело, каждый шаг – боль, тело сопротивляется, не слушается, хочет снова лежать под толщей одеял, а не брести сквозь лес. Сколько времени прошло – месяц, год, десяток лет? Он и сам не помнит, когда вернулся, как долго учился заново дышать, говорить, ходить. Мир живых его принял, только остался он в нем живым мертвецом, духом в застенелой тюрьме тела.

На поляне его уже ждут. Приземистые фигуры в старой истрепанной одежде из кожи и шкур. Вышивка, деревянные и каменные бусины, фигурки зверей у пояса. И черепа. Вороны, лоси, лисы, медведи, рыси, горностаи, олени.

Он шурится, пытаясь за костяными масками разглядеть лица, узнать глаза. Уж не этот ли медведь когда-то учил его в детстве внимать духам? Не лось ли с горечью смотрел ему вслед, когда он уезжал в город за призраком жизни новой, прогрессивной?

Нет, это не могут быть они. Он уже сам стар, а те были стариками в дни его глупой юности.

Кто же тогда его встретил?

Он выходит в центр поляны, садится, с трудом подогнув непослушные, словно деревянные ноги. Он один с открытым лицом, и от этого неуютно.

– Назови себя.

– У меня нет имени.

Признание дается легко, словно он говорит о чем-то само собой разумеющемся. Имя человечье он давно забыл, как и ту жизнь, больше похожую на яркий полуденный сон. А имя зверя, которое вместе со шкурой носил в Нижнем мире, не заслужил. Никто его не испытывал, не нарекал, не встречал после возвращения.

Ибо духи им недовольны.

И теперь остальным шаманам его судить.

Одни роняют обвинения, другие вступаются за него, и призрачные фигуры зверей встают за человечьими силуэтами. «Он указал путь скверне». – «Но пришла она не с ним». – «Он не дал ей очиститься». – «Он и не знал об очищении». Он жадно вслушивается в слова, вглядывается в жесты. Его не заботит собственная судьба – сколько ее там осталось? Ему важно знать – в чем его вина: в глупости? непредусмотрительности? трусости?

Вперед выходит рысь, согбенный, усталый, как степная трава иссохший. Говорит:

– То, что свершилось, обратно не вернуть, – а горло неподвижно, и маска не шевелится, как и лицо за ней. – Но исправить можно. И предотвратить беду куда более страшную можно. Любой из нас смог бы, но нести эту ношу тебе – завершать дела, исправлять ошибки.

Понимает он – судят его не шаманы, живые и мертвые, не люди. Сами духи пришли вынести приговор, потребовать уплаты за расколотое небо. Но что они могут потребовать, если покорность уже получили?

Он поднимает глаза, пристально смотрит на мерцающий образ зверя за спиной человека.
Спрашивает:

– Какая ноша?

Старик качает головой – дергано, как тряпичная кукла на руке кукольника.

– Глупый юнец в теле старика. Разве для того ты вернулся, чтоб очевидное не замечать?
В Нижнем мире был зряч, а ныне ослеп?

Во рту пересыхает от страшной догадки, кислый вкус ягод подкатывает к горлу. Всем духам, всем предкам молится – пусть я ошибся, я же глупый юнец, я не мог истолковать волю духов верно!

Но даже если не ошибся – пусть духи говорят, пусть сами свою волю ему ярмом на шею надевают.

– Был зряч, да от ошибки это не уберегло. Какая ноша?

Рысь долго смотрит на него, глаза духа мерцают темными звездами. Кажется, дух понимает, все понимает, и душа его, глупого юнца, – не раскрытая книга даже, а пустая страница с одним-единственным словом на ней, написанным огромными неровными буквами.

– Останови мертвую скверну. Убей ту, кто маяком ей светит, пока не стало слишком поздно. Убей ту, которую зовешь сестрицей.

Сердце пропускает удар, и он смиренно опускает голову.

* * *

Голод просыпается вместе с Анной. Свет, даже предрассветно-серый, режет глаза, и она долго всматривается в потолок, пытаясь прогнать густую темноту, застилающую взгляд. Кажется, сон не кончается вовсе – стоит отвлечься, перестать узнавать все трещинки штукатурки на потолке, и ее снова затянет на самое дно кошмара.

Когда она умывается, вода в ладонях черная. Зажмуриться, проглотить крик, снова плеснуть в лицо водой – просто показалось. Она постоянно твердит себе, что все просто показалось.

Самоубеждение уже не помогает.

Из-под двери кухни тянется полоса света, и Анна медленно нажимает на ручку, словно боится спугнуть кого-то. Едва слышно щелкает замок.

Марья вскидывает на сестру глаза, красные после бессонной ночи. Вокруг нее разложены учебники, между ними скромно затерялся том в мягкой кричащей обложке и кружка, из которой торчит несколько хвостиков чайных пакетиков.

– Ты сегодня рано.

– Кошмар приснился.

Анна щелкает чайником и начинает переплетать косу. Волосы слегка влажные, словно она под дождь попала. На пальцах остаются мелкие капельки темной воды. Голод сжимает нутро, и Анна знает: обычной едой его не утолить, сколько ни ешь.

– Кофе?

– Пожалуй, да.

Намеренно банальные и бессмысленные диалоги – танцевальные па по минному полю. Никогда ни о чем серьезном, никогда о том, что гнетет и волнует. Анне снится вода, океан, кроме которого нет ничего, и сама она океан. Марья даже в душные июньские ночи кутается в разношенный свитер и натягивает рукава на ладони. Но говорить они будут о кофе. Или не будут вовсе. Иногда молчание спасает лучше самого откровенного разговора.

В спокойной, почти уютной тишине сестры убирают стол. Учебники переселяются на подоконник, к тетрадам и методичкам. Марья заваривает кофе и тут же обхватывает кружку ладонями, жадно впитывая тепло. Себе Анна наливает больше молока, чем воды, пьет и не чувствует вкуса.

Утреннюю тишину хочется растягивать бесконечно, превратить момент покоя в вечность. Слишком скоро придется окунуться в белое жаркое марево летнего города, ходить среди людей, улыбаться им и не выдать, не выдать, что внутри кипят раздражение и ненависть, что в уши вползает змеиный шепот, подстегивая голод: «Ты же хочешь их изувечить», «ты же можешь их убить».

Спасибо, лучше снова кошмар про темные воды. Будь ее воля, Анна вовсе бы не просыпалась.

Кофе заканчивается – даже слишком быстро, и у стола Анна сталкивается с Марьей. Даже не сталкивается – задевает ее локтем, но в нос ударяет запах плоти и пота, горло пережимает от голода и ненормальной, нелогичной ярости – слепой и слепящей. На мгновение Анна видит все в крови, в темных потеках и пятнах, собственные пальцы – нестерпимо-красные.

Она отшатывается к окну, зажмуривается, дышит медленно. Ярость знакома: почти каждый день та сжимает нутро, стоит кому-то рассердить Анну, и она научилась обуздывать ее и держать на поводке и в наморднике. Но еще никогда голод и ярость не обрушивались на Марию.

В ушах тысячами чешуек шелестит голос змеи, утешая, уговаривая, но Анна уже не вслушивается. Ее бросает в холодный пот от ясного осознания – она могла напасть на сестру.

Нет, пожалуйста, только не она, только не снова...

Она открывает глаза и сталкивается с удивленным взглядом Марьи. Губы слушаются плохо, но Анна старается улыбнуться:

– Ты так усердно готовишься к выпускным экзаменам. Может, тебе стоит подавать документы в другой город?

Марья смотрит подозрительно и удивленно.

– Но я не хочу.

Анна медленно, тяжело сглатывает. Она знает, что нужно сделать – оттолкнуть, отшвырнуть, обидеть и причинить боль. Спасти Марию от себя любой ценой. Крикнуть «убирайся!», швырнуть в лицо «я от тебя устала», но голос не слушается, слова выходят слабые, беззубые, бесполезные:

– Тебе давно пора стать самостоятельной. Ты же способная, но у нас негде твоим талантам раскрыться. Тебе надо уехать.

Марья вздрагивает, как от пощечины, щурится нехорошо, но в последний момент осекается и отводит глаза:

– Я тебя поняла, сестрица. Я не хочу тебя разочаровать.

Подхватывает учебники и исчезает в сумраке пустой квартиры.

Вместо утреннего сонного спокойствия – одни осколки, острые обломки реальности, застывшие в «здесь и сейчас». Неосторожный шаг – и рухнешь на пол, истекая кровью. Анна медленно выдыхает, тихонько скулит сквозь зубы. Прислоняется лбом к стеклу, но оно слишком теплое, чтоб принести облегчение.

Она все-таки превращается в монстра, в бездумную хищную тварь из мертвого леса, которой и место в мертвом лесу. Глупо было надеяться, что все обойдется. Почти четыре года – и так неплохая отсрочка.

Пальцы терзают кончик косы, переброшенный на грудь, и с него по коже струится темная вода. Это похоже на кошмар, и Анна хочет, чтоб и было всего лишь кошмаром. Там, среди бесконечного океана, нет ничего кроме нее, ничего кроме тоски – ни голода, ни ярости, ни вкрадчивого шелестящего шепота. Там безопасно. Там она – безопасна. Запри себя в клетку и проглотить ключ.

Еще несколько недель экзаменов. Месяц – до поступления. Почти все лето – до отъезда Марьи. И невозможно все это время спать и прятаться в кошмаре. Анна трет глаза, вспоминая ту, с кем делит сон о бескрайних темных водах. Шепчет отчаянно:

– Что угодно, но пусть Марья будет цела. Пусть она будет в безопасности.

На мгновение в стекле вместо глаз Анны отражаются другие – пустые, неподвижные, змеиные.

Но это, конечно, ей только кажется.

1

Окно без свечи

Неожиданное возвращение редко становится хорошим сюрпризом. Но плохой сюрприз все же лучше, чем вообще никакого, ведь так?

Марья поправила капюшон и запрокинула голову, выискивая окна квартиры. Она сощурилась, высчитывая яркие желтые квадратики, такие уютные среди густых зимних сумерек. Перепроверила себя дважды.

Окна не светились. Ни одно в их квартире.

Марья раздраженно выдохнула облачко пара. Аня куда-то уехала или уже спит? Наверно, все-таки стоило ей написать, но какой бы тогда был сюрприз? В глубине души Марья понимала, что Аня и тогда бы не обрадовалась, но запрещала себе об этом думать. Внезапное возвращение в родной город посреди семестра иначе как бегством из университета не назовешь.

А этому Аня точно не обрадуется.

Марья зябко передернула плечами, схватила чемоданчик, трусливой собакой жмующийся у ног. Колесики скрипели и подпрыгивали на неровном, потрескавшемся асфальте. Марья шла медленно, хоть и продрогла до костей – не столько обходила кочки и трещины, сколько трусила. У домофона она замерла, нашарила ключи во внутреннем кармане, но не спешила их вытаскивать.

Резкий порыв ветра сорвал капюшон и спутал волосы. Марья раздраженно потрянула головой, злясь на саму себя:

– Ой, можно подумать, у меня другие варианты есть! К черту!

Домофон приветливо пиликнул, и Марья поспешила просочиться в подъезд. Тяжелая дверь хлопнула за спиной, едва не ударив по чемодану. В тусклом свете ламп тени под лестницей казались особенно зловещими. Марья поежилась и быстро взбежала по ступенькам к лифту, лишь бы не всматриваться в сумрачных химер.

В бегстве от мороков и видений она уже стала профессионалом.

Впрочем, как и в бегстве от себя.

В затылок дохнуло холодом – не промозглым ветром сырого февраля, а колким морозом бескрайних ледяных гор, знакомым до стойкого отвращения. По шее словно иголки изморози пробежали, а на плечи легли тяжелые ладони: не бойся, не беги, усни в моих объятиях – тебе же так хорошо в них спалось!

С остервенением Марья несколько раз ударила по кнопке лифта. Холод был ей отвратителен, и если б можно было бежать достаточно быстро, чтоб оторваться от него, она б давно так и сделала.

Но он же и был ее единственным спасением.

Когда уже Марья решила, что бегом по лестнице будет быстрее, неторопливо разъехали створки лифта. На мгновение ей стало до того жутко, что она отшатнулась от его ярко освещенного нутра, как от ловушки: только шагни внутрь, и уже никуда сбежать не сможешь, пока он сам тебя не выпустит.

Отшвырнув прочь глупые мысли, Марья шагнула внутрь и нажала на кнопку этажа.

– Если я пожалуюсь Ане, она предложит валерьянку или сразу психиатра? – пробормотала Марья, разглядывая себя в маленьком зеркале, почти полностью залепленном рекламой.

У отражения были круги под глазами и обтрепанная бумажка с красным «SALE» на носу. Несмотря на усталость, Марья начала сколупывать ее с зеркала, чтобы хоть чем-то занять руки и не считать секунды до того, как двери лифта снова откроются.

Лампочка на этаже мигала и потрескивала, словно вот-вот перегорит. Еще полгода назад Марья и внимания не обратила бы, но сейчас хотелось скорее отпереть дверь и спрятаться в квартире – «чур меня, я в домике». Вот только Марья не знала, домик ли ей там теперь.

Нервно прикусив губу, она потянулась к звонку, почти нажала, но в последний момент отдернула пальцы и снова полезла за ключами. Если Аня спит, то пусть узнает о сюрпризе утром, выспавшаяся. Может, даже решит, что сюрприз все же хороший. Ключ провернулся легко и почти беззвучно, Марья даже выдохнула от облегчения. Хихикнула нервно – вот, в родные стены как вор крадется.

Дверь за собой она прикрыла так же беззвучно, нервно вздохнула, когда шелкнул замок.

Темная квартира встречала тишиной и духотой, словно здесь давно никого не было. Марья потопталась на придверном коврикe, поставила чемодан в угол, разулась на ощупь.

Шагнула в коридор.

Темно и тихо.

И тепло. Господи, как же тепло!

Бросив вещи в прихожей, Марья заглянула в комнату, подсвечивая себе смартфоном, прищурилась. Аня спала, свернувшись клубочком и едва ли не с головой спрятавшись под одеялом. Захотелось с визгом броситься к ней, растормошить, обнять, делаясь радостью долгожданной встречи, но Марья на цыпочках прокралась мимо.

Успеет еще. Да и много ли будет той радости, когда Аня проснется?

Стоило переодеться, залезть под душ, смывая с себя и пот, и усталость, и страх, прогоняя из костей ноющий холод, но Марья только зевнула. Сил уже не было – они покинули ее, стоило только переступить порог. Марья улеглась как была – в свитере и уличных джинсах, еще влажных у щиколоток, поджала заледеневшие ноги и укуталась в колючее покрывало, теплое и тяжелое.

Вот только ноги все равно мерзли, даже в носках.

Марья съежилась и, довольно вздохнув, уснула.

Дома, снова дома.

А значит, все будет хорошо.

* * *

Солнечный луч пробил оборону штор, пробежался по комнате и замер на лице Марьи. Скользнул по векам и дрожащим ресницам, проникая в сон и растворяя его в мягком утреннем свете. Марья выпростала руку из-под покрывала и потеряла глаза, медленно, неохотно просыпаясь. Зимнее солнце, яркое и чистое, заглядывало в комнату, и пыль крохотными золотыми мотыльками парила в его луче.

Марья огляделась – кровать сестры уже была заправлена, на столе царил привычный идеальный порядок, только с краю лежала книга с парой ярких язычков-закладок. Часы над дверью застыли на половине второго и сейчас безбожно ввали. Марья осторожно спустила ноги на пол, пошевелила босыми пальцами. Что-то было не так. Разве она вчера переделась? Неужели так устала, что даже не запомнила?

– Я слышу, что ты встала! На завтрак в постель даже не рассчитывай!

Голос Ани звенел весенней капелью, чистой и радостной. Марья задержала дыхание, не смея поверить, что сестра шутит – так спокойно и привычно, словно Марья никуда и не уезжала. Словно Марья против ее воли и не возвращалась. Одернув длинную и свободную футболку, давно уже вылинявшую до полупрозрачности, Марья пошла на кухню, вслед за едва уловимым запахом кофе. Желудок сжимался, напоминая, как давно она не ела. Пол под ногами был приятно теплый, словно солнце грело его весь день.

На столе уже стояли тарелки с яичницей и поджаренным хлебом, а Аня сосредоточенно колдовала над туркой, постоянно помешивая кофе. Влажные волосы, заплетенные в тугую косу, почти прилипли к спине.

– С добрым утром, пушистая, – сказала Аня, не отводя взгляда от турки. – Но вообще могла бы и предупредить.

Пальцы кольнуло холодом, но он тут же отступил, изгнанный светом и теплом в голосе сестры. Она не злилась и не укоряла. И Марья сдавленно вздохнула, словно резко схлынула боль – тянущая, ставшая привычной настолько, что Марья перестала ее замечать.

– Я... Я хотела сделать сюрприз.

– А я хотела бы встретить тебя. И обнять – сразу как приедешь, а не поутру.

Аня сняла турку, ловко разлила кофе по маленьким чашечкам и, только поставив одну из них перед Марьей, открыла ей объятия.

– Ну, иди сюда, мелкая. Посмотрим, как ты выросла.

Марья вцепилась в сестру, как в спасательный круг, привычно привстала на цыпочки, чтоб стать с ней одного роста. Теплые, мягкие ладони ласково скользнули вдоль позвоночника, потрепали по затылку, взлохматив и без того торчащие во все стороны волосы.

– Прости, что я так внезапно вернулась. – Марья отстранилась и отвела глаза, решив сразу сказать обо всем плохом. – Мне... не понравилось там учиться. Обещаю, на следующий год я перепоступлю в другой университет, правда!

Аня прижала палец ей к губам, улыбнулась:

– Тшшш. Ничего страшного. Я тебя не гоню.

Марья едва удержала за зубами холодное, колкое и полное сарказма «правда?». Она-то помнила, как Аня чуть ли не на дверь ей указала, и слышать ничего не желая об университете в родном городе. Но может, просто ей тоже плохо было одной?

Легко находить оправдания, когда жаждешь этого всем сердцем.

Хлебная корочка приятно хрустела на зубах, но желток яичницы оказался почти безвкусным. Марья поискала взглядом солонку, но Аня только руками развела:

– Который день забываю купить соль.

Марья удивленно подняла глаза на сестру: та даже в самые лютые авралы ничего не забывала. Или просто Марье казалось, что ничего не забывала?

– Можем вместе сходить, – предложила она, собирая вытекший желток мякишем. – Заодно прогуляемся. Честно сказать, я соскучилась по нашей пыльной зиме – представляешь, там снег как-то лежал дольше двух дней подряд!

– Ничего, еще успеешь по нему затосковать.

Со стола они убрали вместе, и тихая речь перемежалась смешками и звоном посуды. Марья все никак не могла вспомнить, когда успела накануне переодеться и где бросила свои вещи. Она прошла по всей квартире, заглянула в ванную, в сомнениях замерла напротив спальни матери.

– Ань? – Марья неуверенно позвала сестру, едва не прижавшись к противоположной стене коридора. – Ты все-таки решила открыть мамину комнату?

Марья помнила, как они вместе сосредоточенно занавешивали все зеркала перед похоронами, как стояли над могилой, взявшись за руки, дрожа в густой духоте летнего дня. Как Аня вздохнула «отмучилась» – и непонятно было о ком: о матери, таявшей медленно и мучительно, или о себе. И как потом они обе так и не решились открыть дверь и снова войти в спальню – хотя бы для того, чтоб навести порядок и выкинуть вещи, которые напоминали о нелюбимой женщине, почему-то звавшейся их матерью.

Аня не услышала – на кухне шумела вода и тараторило радио, и Марья, затаив дыхание, нарочно медленно прошла мимо спальни матери. Странный холодок едва заметно покалывал затылок, подсказывая не повторять вопрос.

И Марья послушалась.

Из вещей она отыскала только смартфон – он так и валялся на смятой постели и не отзывался на попытки его включить. Наконец экран посветлел, но только для того, чтоб мигнуть пустой батареей и снова погаснуть. Марья удивленно повертела смартфон в руках – и когда он успел разрядиться? Еще вчера заряда ему хватало, чтоб дотянуть до сегодняшнего вечера.

Но стоило ему чуть-чуть насосаться электричества, как Марья пожалела, что его включила. Тут же посыпались уведомления во всех мессенджерах – бесконечные «куда ты исчезла?», «все в порядке?», «когда вернешься?» от соседок и одноклассников. Читать их было тошно. Их хотелось стереть – не только сообщения, а саму память о другом городе, университете, друзьях. К этой странице, пусть и весьма приятной, Марья возвращаться не собиралась.

Но почему-то рука не поднималась внести их всех в черный список и удалить всю переписку. Тонкий трусливый голосок умолял оставить тропку из хлебных крошек, а не разрушать все дороги аж до скальных пород.

На плечи легли теплые ладони Ани, и Марья вздрогнула – она не услышала, как та подошла.

– Все в порядке, пушистая?

Марья оглянулась на сестру, смутилась, поймав теплую улыбку, поспешно погасила смартфон.

– Да... Да, конечно.

– Не жалко было все бросить?

Марья задумалась. В душе начали скрестись ледяные колючки, напоминая, почему на самом деле она сбежала. Что холод, страхи и белые глаза в толпе догнали ее и за сотни километров от дома. Что не с кем было поделиться – не поверят, засмеют, в лучшем случае посоветуют психолога и выспаться.

Но сейчас говорить об этом не хотелось. Не для того Марья бежала под крылышко сестры, чтоб лелеять обиды на собственную судьбу. Она откинулась назад, прижимаясь спиной к ногам Ани, запрокинула голову, любуясь, как почти сияют волосы сестры в ярком солнечном свете.

– Ты же знаешь, – сдержать смех в голосе не удалось, он все равно вырвался птичкой из груди, – ради тебя я готова бросить что угодно, кого угодно и куда угодно!

Аня улыбнулась, кивнула и так же тихо ушла, а Марья осталась сидеть на кровати, озадаченно глядя ей вслед. Она была готова и к тому, что она вздохнет: «А вот университет бросать не стоило», и к тому, что фыркнет неодобрительно: «Вот не надо говорить, что учебу ты бросила ради меня, а не ради собственной лени!» Это было бы привычно, это было бы правильно. Но промолчать? Улыбнуться как на милый лепет, не стоящий внимания?

Марья поежилась, с холодком по спине ощущая, как что-то разладилось в привычной картине мира, словно одна неверная нота вклинилась в мелодию, но тут же исчезла. И гадай, показалось тебе или нет.

В ладони снова завибрировал смартфон, на экране мигнуло новое сообщение. Марья с отвращением взглянула на экран и выключила его. К черту.

* * *

Дни походили на медовую патоку, и Марье казалось, что она застыла в кусочке янтаря, пронизанном яркими солнечными лучами. Она отсыпалась целыми днями, и лишь по утрам ее дремоту нарушала Аня – едва касалась волос, прощаясь, когда уходила на работу.

– Ни о чем не волнуйся, – она успокоила Марью, когда та попыталась завести разговор о подработке, – отдыхай. Посмотри на себя – ты прозрачнее привидений. Наберешься сил, тогда и решим.

И Марья набиралась сил.

Она попыталась взяться за бытовую рутину, чтоб порадовать сестру, но в комнатах было удивительно чисто. Марья все равно старательно перемыла полы, но ее не оставляло чувство, что она только портит идеальный порядок, оставляя пятна воды и разводы. Она решила готовить ужины сестре – но в холодильнике всегда находились то запеканки, то котлеты, то супы.

– Да когда она все успевает? – обескураженно проворчала Марья.

Ей оставалось только гулять и читать. Солнечный февраль не был ей в диковинку, воздух уже дышал близкой весной, в палисадниках у домов пробивалась трава. Марья мерила город шагами, безмолвными, долгими прогулками признаваясь ему, как скучала и тосковала. Ее не было меньше года, а казалось – прошла вечность, и Марья радовалась, когда обнаруживала, что за эту вечность ничего не изменилось.

В киоске недалеко от остановки все еще продавали самые вкусные пирожки, а в любимой кофейне через полгорода кофе с перцем и медом все так же был жгуч и восхитителен. Со знакомыми продавщицами Марья привычно шутила, а потом приносила домой самые сладкие яблоки – она помнила, как Аня их любит.

Если ее что-то и удивляло, так то, что она ни разу не столкнулась с бывшими одноклассниками или учителями, даже когда гуляла недалеко от своей школы. По закону подлости она просто обязана была увидеть хоть кого-то из них и нарваться на неприятный разговор об учебе и возвращении. Но закон подлости не срабатывал. Если Марья и замечала знакомые лица, то с трудом узнавала в них друзей и коллег Ани. Если говорила с кем-то, то вспоминала потом, что Аня с ним тоже знакома. И ни разу не замечала своих попутчиков, с которыми годами в одном автобусе ездила в школу.

Но Марья не обращала на это внимания. Слишком спокойной и счастливой стала ее жизнь, и преступно было выискивать в ней недостатки. А голосок, который все твердил и твердил, что преступно их не замечать, Марья научилась игнорировать.

О будущем она не думала – с каждым днем здесь и сейчас становилось все вещнее и осязаемое, словно ничего другого и вовсе не существовало. Подспудно зрела тревога, но по вечерам Аня улыбалась так спокойно, что Марья легко отбрасывала любые мрачные мысли. Они вместе смотрели старые фильмы, обсуждали книги, планировали на выходных выбраться в музей: «Ты слышала, новая экспозиция приехала?», но Марья не могла не понимать – рано или поздно это закончится.

Любой полет заканчивается падением.

Во время очередной прогулки Марья наткнулась на уютный книжный магазинчик, а в нем – на переиздание Пратчетта, которым зачитывалась Аня. Марья повертела книгу в руках, но так и не вспомнила, есть она в домашней библиотеке или нет. Пальцы зудели от желания порадовать сестру, но вдруг у нее уже есть эта книга? Все равно купить? В памяти всплыли длинные утомительные лекции Ани о бюджете и вечной экономии, и Марья поморщилась. Нашупала в кармане пальто смартфон, провела по экрану, набрала сестру.

Абонент временно не доступен.

Марья пожалала плечами и принялась вспоминать ее рабочий номер. Но цифры, обычно затверженные, как детская считалочка, выпали из памяти, рассыпались бусинами, и сколько Марья ни хмурилась, она не могла их вспомнить.

Она даже не смогла вспомнить, где сестра работает. Какое-то очень простое название, завязшее в зубах, такое хочешь – не забудешь, а тут – поди ж ты, туман вместо него. Словно затерли небрежно – буквы угадываются, но прочесть невозможно.

Марья зажмурилась, потеряла виски, но сосредоточиться не вышло.

А потом словно лампочка мигнула.

Снова мягко сияло солнце, насвистывали пичуги, а Марья уже несколько минут рассматривала островок яркой травы среди серых бетонных плит. И Пратчетт, и книжный магазин остались на другом конце города – если вообще не были сном. Марья сдавленно вздохнула и

поспешила домой, постоянно оглядываясь и беззвучно шевеля губами, повторяя и описывая все, что видит.

Как она попала сюда, почему не помнит, как ушла из магазина, куда делись несколько часов – да и прошли ли они? Как доверять себе и своей памяти, если они уже подвели?

Как доверять всему, что она видит?

До вечера Марья пыталась забыть в книге, но постоянно отвлекалась, невидящим взглядом смотрела в окно, где солнце медленно ползло к горизонту, наливаясь апельсиновой рыжиной. Когда в двери проскрежетал ключ, Марья вздрогнула и выбежала встречать сестру.

– Смотрю, ты вернулась раньше меня? – улыбнулась Аня и переступила через порог.

Марья не ответила на улыбку, пристально разглядывая сестру. Расправленные плечи, гладко заплетенная коса, ясные глаза – словно она вернулась после неторопливой прогулки, а не утомительной офисной работы. Марья помнила, какой выжатой приходила Аня раньше, какие пустые у нее были глаза по вечерам – словно она все еще оставалась на работе и не моргая смотрела в монитор.

Сейчас все изменилось к лучшему.

Этому же надо радоваться, правда?

Но Марья не могла.

Аня повесила пальто и удивленно оглянулась на Марью:

– Все в порядке?

Марья слотнула и прикрыла глаза. Все хорошо. Все слишком хорошо – мечта, а не реальность; выхолощенная идеальная картинка, в которой не осталось жизни. Но может, это она сама придумывает нестыковки и странности, потому что привыкла жить в клетке из тревоги и напряжения и просто не хочет выйти наружу, даже когда дверцу уже распахнули?

В голову пришел только один способ это проверить – нарушить табу, которое Марья сама установила и которого последние несколько лет непрерывно придерживалась.

Она нервно облизнула губы и заговорила о Нави.

– Ты не замечала ничего странного? – слова выстраивались медленно, а в голове эхом звучал голос сестры, когда она, стоя у окна, спрашивала ее о том же. – Может, странные птицы, может, кто-то с бельмами на глазах?

По лицу Ани скользнула тень, но тут же сменилась легкой улыбкой.

– О чем ты? Я не понимаю.

Марья шагнула к ней, вцепилась в плечи, тряхнула.

– Аня! Я серьезно! Ты не замечала ничего... *навсегда*?

Губы жгло от запретных слов, память корчилась от темных, жутких воспоминаний, которые ничуть не поблекли за годы. Они всегда были слишком близко, вот и явились по первому зову, даже пыль стряхивать не пришлось.

Аня поймала взгляд Марьи, медленно покачала головой:

– Все в порядке. – Голос ее стал мягким и тихим, словно она перепуганное животное успокаивала. – Все хорошо. Что бы ты ни увидела, тебе это показалось. Или приснилось.

– Ты мне не веришь?

– Ты же знаешь сама, пушистая, – ничего не было. Все хорошо. Все в порядке. Все всегда было в порядке.

...в заведенном механическом порядке...

Марья вскинула подбородок, спросила с вызовом:

– И тогда, с перьями?

– Какими перьями?

Марья прикрыла глаза, медленно отняла ладони от плеч сестры, попятилась от нее.

Голос не слушался:

– Ты не Аня.

Она замерла, удивленно приподняв брови. Улыбка застыла на губах странной, неестественной гримасой.

– Ты не моя сестра, – громче повторила Марья, и мир вокруг нее пошел волнами, словно воздух стал текучим маревом над раскаленной землей. – Ты не настоящая.

Марья проснулась от холода и боли в затекшем теле. Густая темнота зимней ночи лишь слегка посерела, до рассвета оставалось еще долго. Она села на кровати, часто и загнанно дыша, растерла окоченевшие ступни, огляделась.

Темные потеки на стенах, мелкие лужицы воды на полу, горький запах, от которого першит в горле, и холод, дикий ненормальный холод. Аня все так же спала – лицом к стене, – и кончик ее косы свисал с кровати, с него одна за одной срывались темные капли.

Сколько прошло времени? Это был всего лишь сон, короткий кошмар в предрассветный час? Или она проспала гораздо, гораздо дольше? Марья зашарила руками вокруг, одернула свитер – она так и осталась в уличной одежде, в которой приехала, и кожа неприятно под ней зудела.

Смартфон мигнул, высветил пустую батарейку и умер. Марья отшвырнула его, с трудом поднялась – по ногам тут же мелкие иголки пробежались. Сколько же дней она спала? От голода слегка подташнивало, горло пересохло, но и только.

Медленно, словно через силу, заворочалась Аня. Марья беспомощно следила, как с нее сползает одеяло, но не могла пошевелиться. Она стояла, не зная, радоваться ей или бежать прочь. Может, раз она разгадала сон и вырвалась из его паутины, теперь все будет хорошо?

Аня села на кровати, неестественно прямо держа спину, повернула спокойное, спящее лицо к Марье.

– Зачем ты проснулась?

Она открыла глаза и из них плеснула абсолютная тьма.

2

Приходи

Марья бросилась бежать еще до того, как осознала происходящее. В голове билось паническое – «это сон, это все еще сон, это не может быть на самом деле!», а ноги уже несли ее прочь. Ослабевшее тело после долгого сна слушалось плохо, и Марья цеплялась за стены, чтоб не упасть.

Она не знала, что делать, не понимала, что произошло. Золотое спокойствие сна сменилось колючей болезненной реальностью, и контраст выбивал из колеи и оставлял беспорядок в чувствах и мыслях.

Уже у входной двери Марья оглянулась, и едва не завизжала, увидев, что Аня (нет, это – не Аня!) стоит в дверях их комнаты, и в черных глазах светятся алые черточки зрачков. Она просто стояла и смотрела, а Марью начало трясти, словно чудовище уже протянуло когти к ее шее. Не соображая, что делает, Марья схватила пальто и сумку, нырнула в ботинки, пнула дверь.

Заперто.

Она сама же ее заперла.

– Стой.

К тихому голосу Ани примешивалось далекое, низкое многоголосье, словно тысяча жутких тварей вторили каждому ее слову. Выругавшись, Марья нашарила в сумке ключи, руки тряслись, и в скважину она попала не с первого раза. Когда замок щелкнул, она облегченно выдохнула.

Прохладная ладонь легла ей на плечо.

Марья затравленно оглянулась.

– Не уходи.

С трудом отведя взгляд от жутких черных глаз, Марья вывалилась на лестничную клетку и бросилась вниз, перепрыгивая через ступеньки, спотыкаясь в незастегнутых ботинках. На бегу она накинула пальто, едва не запутавшись в рукавах, вцепилась в сумку, как в последнюю надежду.

Зачем она вообще приехала? С чего она взяла, что дома все будет хорошо, если всегда было плохо?!

Сердце колотилось в горле, дыхание вырывалось с хрипом. Перед глазами все скакало и рябило от мертвого света ламп. Только вывалившись из подъезда, Марья остановилась на минуту, чтоб застегнуть ботинки и поправить их смятые пятки. Плечо, которого коснулась Аня, горело, как от удара. Шарф остался в доме, и сейчас ветер ледяными пальцами щекотал шею. Марью передернуло, она подняла воротник пальто, но холод помог ей сосредоточиться. Горячая паника отступила, освободив место слепой наивной надежде.

Нужно просто где-то спрятаться до рассвета. Где-то переждать.

Утро вечера мудренее, ага.

Марья быстро зашагала прочь от дома, запрещая себе оглядываться. Дыхание клокотало в горле, слезы щипали глаза, и свет фонарей размывался в многолепестковые бледные цветы. Голод и слабость подступали все ближе и ближе, хотелось пить. На душе было так же темно, как и вокруг, и Марья не видела в темноте, куда идет, ее вела память.

Ничего не изменилось. За ее отсутствие действительно ничего не изменилось, и ноги несли по заученному маршруту. Через парк, через мост, дальше в город, дальше от взгляда, что сверлит и сверлит спину. Марья сбивалась на бег, но надолго ее не хватало – слишком быстро заканчивалось дыхание. Она шла и всхлипывала, и отказывалась осознавать, что плачет.

Рядом притормозила машина, окатив ослепительным светом фар, и Марья шарахнулась дальше от дороги, готовая в любой момент броситься в темный лабиринт дворов. В ночном городе опасностей хватало и без одержимой сестры.

Одержимой – именно так старалась думать о ней Марья, не то оправдывая, не то проклиная. Это же просто не могла быть настоящая Аня, даже если забыть о глазах и воде, стекающей по волосам. Она никогда бы не заперла Марью – ни внутри сна, ни внутри темной квартиры. Она же сама настаивала на ее отъезде!

Одержимой... лучше думать о ней так, оставляя капельку надежды, что все можно исправить, чем верить, что сестра все это творит по своей воле, став монстром. Или что это и не сестра вовсе, а только маска, волк в постели.

Зачем тебе такие глаза, сестрица?

Чтобы лучше тебя видеть, Марья.

Только про зубы, главное, не спрашивать.

С трудом сглотнув рыдания, Марья пошла быстрее. Знакомый проспект, через площадь наискосок, попетлять среди старых домов – и вот она в парке. Она и раньше сидела здесь часами, когда сбегала из дома, но никогда ночью.

Голые деревья выглядели жалко: в самый раз, чтобы свернуться на лавочке и разрыдаться – то ли от страха, то ли от жалости к себе. Мир все еще дрожал – или зрение не фокусировалось от постоянной пелены слез. Окоченев на ветру, потерявшись в своей внутренней темноте, Марья уже и сама не верила, что утром что-то наладится. Ее мир разбился – а она и не осознала когда. Вернулась к осколкам и, ослепленная собственными страхами и надеждами, наступила на них, до крови распоров кожу.

И кровавые бусины теперь указывали тропу к ней – и захочешь, с пути не собьешься.

Марья размазала слезы по лицу, попыталась успокоить дыхание, но судорожные всхлипы все равно пробивались наружу. Она быстро замерзла, лед растекся по рукам и ногам, начало клонить в сон. Марья встряхнулась, прошлась по парку – глаза привыкли к темноте, начали различать квадратики плитки, очертания не горящих фонарей, темную стелу в центре паутины дорожек.

Слишком холодно, она не продержится здесь до утра. Да и есть ли смысл ждать утра?

Да и наступит ли утро?

Марья запрокинула голову: сквозь ветки деревьев беззвездное небо казалось темным витражом, по которому прошла глубокая трещина. Длинная – куда длиннее ветвей, она тянулась к горизонту, и исчезла за ним. Марья сморгнула, и она исчезла – только ветви едва покачивались.

Наступившее беззвучие было столь оглушительно, что Марье на мгновение показалось, что она все еще спит. Но на другой стороне парка мелькнуло светлое пальто Ани, ее белое лицо светилось, почти как луна. Веки были опущены, и это испугало Марью даже сильнее черных глаз.

– Зачем ты ушла? – Аня была еще далеко, говорила тихо, но Марья отчетливо слышала каждое слово – и эхо, порожденное им. – Вернись. Ты должна быть в безопасности.

Марья развернулась и снова бросилась бежать, тратя последние крохи сил, чувствуя, как мир осыпается вокруг нее, открывая что-то жуткое, как под слоями штукатурки открывается древняя каменная кладка. Паника сменилась глухим отчаянием. Ей некуда идти. Она не может защититься. Конечно, в сумке лежит газовый баллончик, но будет ли от него толк? Не у кого попросить помощи – да и как, мертвый смартфон остался дома. Не к кому постучаться, прося о защите... защите от монстра, который только притворяется сестрой.

Да ее в психушку сдадут, если она кому-то это расскажет!

Она одна.

Абсолютно одна.

Марья споткнулась и упала, рассадив ладонь. Боль сверкнула белой звездой под веками и быстро унялась – всего лишь содранная кожа и немного крови. Бывало и хуже – когда ни с того ни с сего болели глаза или кровоточила кожа у ногтей. Бывало и хуже, когда Навь и одна ее пернатая тварь давали о себе знать.

Марья устала на ссадину на ладони, губы медленно расплылись в нехорошей улыбке. Она сморгнула последние слезы, огляделась и уверенно бросилась к ближайшей круглосуточной кофейне.

Нет, она не одна.

Он так старался напоминать о себе, что глупо было бы сейчас о нем не вспомнить. В конце концов, помогать ей – и в его интересах тоже.

А с мертвого сокола хоть перьев горсть.

В кафе ей даже не удивились – кто ж еще может заявиться глубоко за полночь? Заплаканная девица, пожалуй, еще не самый неожиданный вариант. Сонная официантка приняла заказ, задержалась у стола чуть дольше, чем требовалось, тихо спросила, нужно ли чем-то помочь.

– Если у вас найдутся перекись водорода и ватные диски, я буду очень вам признательна.

Заказ Марья оплатила сразу, чтоб не вызывать подозрений, – кофе и блинчики. Она не сомневалась – последние будут из морозилки, кое-как подогретые для неурочной посетительницы. Но ее это мало волновало, она вообще не собиралась есть или пить – от одних только мыслей о еде горло сжимала дурнота, и она оказалась гораздо, гораздо сильнее голода.

Ей просто нужен был нож.

Ждать пришлось утомительно долго, и Марья постоянно оглядывалась и вздрагивала, когда открывалась дверь, но нет, Аня ее еще не нашла. Марья не знала, сколько у нее есть времени, и нервно кусала губы. Когда принесли заказ, она едва дождалась, пока официантка уйдет, и, спрятав нож в рукаве, проскользнула в туалет.

В ярком желтоватом свете Марья больше напоминала мертвеца.

Кое-как засучив рукав, она коснулась ножом внутренней стороны руки у локтя. Нож надавил на мягкую кожу и затрясся в ослабевших пальцах. Марья несколько раз быстро вдохнула. Ладно, может, с тыльной стороны руки будет не так страшно.

Зазубренный столовый нож был туп, как самый отпетый двоечник в школе. Марья сжала зубы, раз за разом проводя лезвием по коже, но оставляя только едва покрасневшие царапины. Не получалось, нож соскальзывал с кожи, и она нервничала – ждала, что вот-вот явится одержимая сестра. Марье потребовалось слишком много времени, чтобы кожа разошлась и выступило несколько капелек крови.

– Я думала, будет проще, – прошептала Марья своему отражению.

Менять план было поздно, и Марья озлобленно, с силой провела следующую полосу на руке, боль жгла и зудела, и Марья надеялась, этого хватит. Раньше у нее были перья и подначивающий шепот, вплетенный в ветер, он подсказывал и направлял, успокаивал и утешал. Сейчас приходилось импровизировать и верить, что адресат поймет ее послание.

Одна за другой на коже проступали красные буквы, неровные, в кляксах кровавых капель.

ПРИХОДИ

Закончив, Марья обессиленно опустила руки, поправила рукав и поморщилась, когда шерсть скользнула по растревоженной коже. Как ни в чем не бывало она вернулась за стол – кофе уже успел остыть и стать отвратительно приторным – и устала в окно.

До рассвета было еще далеко.

* * *

Детеныш запутался в колючих плетях и скулил жалобно, ногтями царапая сероватую землю. Темные, почти черные лозы сжимали его сильнее и сильнее – не понять, сначала удуют или кости переломают. От них едва заметно тянуло сладковатым ароматом разложения.

От знакомого до отвращения запаха замутило. Старик повел плечами, ощутив, как волосы шевелятся на затылке, неуклюже опустился на колени, приглядываясь к жертве. То ли ребенок, то ли звереныш – не разобрать. Маленькое, округлое еще тело, отчетливо звериные черты. Это мог быть разум сноходца, еще не знающего о своем даре. Это мог быть слабый городской дух – сильный не попался бы в ловушку.

Старик видел, что стало приманкой – яркий цветок, с длинными, острыми лепестками, изрезанными мелкими зубчиками. Такими острыми, что стоило их коснуться, как они расплосовали кожу до крови, а с первой каплей ловчая петля затянулась. Там, где кровь коснулась лепестков, они изменили цвет с белого, сияющего в сумерках, на тревожно-красный, как у подгнивающего мяса.

Старик погладил детеныша по голове, и тот ненадолго притих. Если честно, у него не было времени помогать всем страждущим – каждый удар сердца напоминал, что он опаздывает, – но пройти мимо жертвы мертвого леса было выше его сил. В конце концов, это была его вина, что Навь смогла проникнуть в мир живых, вцепиться в него корнями и ветвями, ловя неосторожных существ. Изнанка, сторона духов, никогда не была безопасной, но с тленным дыханием леса стала щедро дарить смерть.

– Тише, – пробормотал он, ощупывая плети, – я помогу. Тише.

Детеныш слушался, зачарованный его спокойным, хрипловатым голосом. Медленно, словно ловчие лозы были разумным зверем, старик потянулся за костяным ножом, с тихим перестуком качнулись амулеты на груди. Темное зазубренное лезвие коснулось лоз, и те вздрогнули, сжались сильнее, спеша убить свою жертву, и детеныш оглушительно завизжал.

Старик ударил резко, почти не замахаясь. В старых худых руках не было силы, жилы едва-едва двигали кости, но плеть легко разошлась под лезвием, словно была из масла. Срез остался гладким и темным, словно его огнем прижгли, и под корочкой бурлил сок – старик не сомневался – ядовитый и куда более опасный, чем сами лозы.

Он успел. Срезал последнюю плеть прежде, чем та задушила детеныша. Тот едва дышал, шевеля посиневшими губами, глаза закатились, из-под век проглядывали белки. Старик осторожно поднял его, провел по голове, вытащил из ладоней зазубренный цветок – после смерти лоз тот почернел и увял, и лепестки поникли мягкими лоскутами.

Запах гнили сделался нестерпимым. Нужно было уходить.

Детеныш очнулся, когда старик унес его довольно далеко от ловушки, где запах рассеялся, остался позади. Завозился в руках, захныкал. Старик поставил его на землю, присел напротив.

– Тише, дитя. Все хорошо. Ты цел.

Детеныш замолчал, доверчиво глядя на старика, потер порезанные ладони. В умных звериных глазах не было страха, подвижный нос шевелился, принюхиваясь. Он некрепко стоял на ногах и покачивался, тянулся к старику, пытаясь уцепиться за его рукава, и старик со вздохом снова подхватил его на руки.

– Ты совсем ослаб, я погляжу. Неужели яд? – Детеныш снова захныкал от его слов. – Ты из города, верно? Хорошо. По велению судьбы мне в ту же сторону. Я отнесу тебя, а ты постарайся не вертеться – мои руки слабы и долго тебя не удержат.

Детеныш затих и словно стал легче.

Тропа гладкой лентой легла под ноги, растянулась до горизонта, укрытого туманной зыбью. Даже здесь, на стороне духов, медленно наступала ночь, и солнце бежало от ее черного покрывала, окрашивая за собой медью небо. Город был уже близко, старик чуял это, понимал по завихрениям тумана вокруг. Мир обращался в калейдоскоп, который менялся с каждым его шагом.

Когда сонная зимняя степь, выбеленная то ли снегом, то ли солью, сменилась на пустыри с битым кирпичом, высокие серые травы и вросшие в землю пустые дома, детеныш снова заворочился, прыгнул и заковылял вперед, постоянно замирая и оглядываясь.

Звал.

Сердце пропустило удар, но успокоилось. Мало ли, зачем звал. Скорее всего, детенышу все еще не хватало сил. О награде старик и не думал: за мелкие услуги звери не награждают, а сноходец и не осознает его как стороннего человека, а не часть кошмара.

Он последовал за ним – настороже, медленно переставляя ноги, одну руку заведя за спину и сжав нож, другой перебирая амулеты на груди. Он не знал, что его тревожит, заставляет не доверять тому, кого он только что спас. Но лучше не доверять, а потом извиниться, чем доверять и погибнуть.

Детеныш остановился у дома с целыми стеклами. Высокий деревянный забор примыкал к стенам, огораживая маленькое подворье, и старик толкнул калитку, позволяя детенышу войти. Тот с трудом проскользнул в узкую щель, снова оглянулся. Вокруг его шеи и на запястьях темнели синяки от ловчих лоз, медленно наливаясь гниlostной чернотой, и если старик до этого колебался, то сейчас последовал за детенышем уверенно. Спасти от ловушки и оставить умирать от яда – что может быть более жестоким?

Он занес детеныша в дом – чистый, но покинутый, словно хозяева встали перед вечерним чаепитием и ушли навсегда. На столе рядом с кроватью еще лежало вязание, спицы тускло блестели.

Старик уложил ребенка на кровать, и тот едва слышно вздохнул, закрывая глаза и расслабляясь. Звериные черты на застывшем лице стали отчетливее. Старик отложил нож в сторону, снял один из амулетов – костяные фигурки, перемежающиеся с деревянными бусинами, – провел им над детенышем.

Нахмурился.

Успел еще удивиться, что не смертный, не дух перед ним, не порождение обратной стороны да глубоких теней, а отпрянуть уже не успел. Детеныш открыл глаза, темные и глубокие, как вода над омутом и смотрел, смотрел, как медленно оседает на пол старик, как из онемевших пальцев падает нить с костяными и деревянными бусинами, как жизнь вытекает из него бесконечной лентой.

Вовсе не цветок был приманкой.

Ему стоило помнить, что лес коварнее, чем можно только предположить.

Он схватился за угол стола, пытаясь удержаться, найти точку опоры, чтобы сделать хоть что-то. Но сил и так было мало, а лес в обличье грустного детеныша стремительно их допивал. Пальцы зацепились за вязание, потянули его за собой, и спицы с тихим звяком упали на пол. Старик прищурился, но зрение уже помутилось и расплылось. Он собрал остатки сил, чтобы дотянуться до спицы, и остатки остатков – чтобы занести руку.

Упала она уже сама.

Он лежал среди темной пелены, которая затянула зрение, и слушал тишину. Сколько ему набираться сил, чтобы хотя бы встать? И не станет ли он, беспомощный, как игрушка, жертвой местных обитателей?

Вскоре раздались шаги, скрипнули доски. Кто-то прошелся совсем рядом, вложил нитку амулета в ослабшую ладонь. Пелена посветлела и прояснилась. Пустой рукой он нашарил нож и, только сжав шершавую рукоять, успокоился.

– Друг мой. – Губы старика едва дрогнули в улыбке. – Что бы я без тебя делал.

Тот помог старику подняться, дойти до дверей. Уже за порогом старик обернулся – на кровати лежало уродливое переплетение корней, лишь отдаленно напоминающее фигурку ребенка. Спица вошла неглубоко, но этого хватило.

Под темным небом старик глубоко втянул воздух, чувствуя, как силы возвращаются – капля за каплей.

– Андар, скажи, ты нашел ее?

Тот грустно качнул головой и отвел глаза. Старик кивнул, он и не ждал другого ответа. Шаманы и духи могли сто раз повторить, что отправили его за сестрой исправлять собственную ошибку, но правда была гораздо проще: ни один из них не мог ее отыскать. Даже для самых острых глаз она была неотличима от простых людей, и глупо было ожидать, что юный друг с этим справится.

«У тебя с нею одна тропа и одна судьба, – сказал тогда дух-вепрь, последний, кто наставлял его. – Если кто и сможет, то только ты».

Но тропы свивались замысловатыми узлами, и он блуждал по ним, как в густом кошмаре, и не знал, а хочет ли проснуться.

Андар тревожно заглянул в лицо спутнику, сжал его ладонь, приложил два пальца сначала к своему лбу, потом ко лбу старика. Смазанные образы и нечеткие звуки скользнули в его память и остались там – словно все он видел своими глазами.

– Ты нашел младшую? Что ж, это лучше, чем ничего. Что бы я без тебя делал, – повторил старик и оглянулся на покинутый дом. Мысли сами собой складывались в замысловатую мозаику, детеныш-приманка добавился новым кусочком головоломки – и изменил всю картину.

Старик давно научился обращать свои ошибки в оружие – иначе так и остался бы в волчьей шкуре и в Нави.

Поймать можно любого – монстра ли, человека ли, бога ли. Нашлась бы только подходящая приманка.

А такая была – совсем рядом. Осталось ее только заполучить.

По лицу старика скользнула тень далекой, приглушенной боли, и его спутник склонился к нему, тревожно всматриваясь в глаза. Старик покачал головой.

– Обо мне не волнуйся, я в порядке. Снова мне потребуется твоя помощь. Но то, о чем попрошу, тебе не понравится.

3

Под рекой

Блинчики Марья все-таки съела – сначала заставляя себя проглотить хоть кусочек, затем жадно давясь. Пришлось даже заказать добавку и горький чай – кофе не развеивал сон. Но стоило голоду чуть уняться, как ее сморило, даже ноющая боль в царапинах не отвлекла. Веки налились свинцовой тяжестью, а по телу растекалось сонной одурью тепло. Адреналин, гнавший через весь город, схлынул, оставив ее опустошенной и равнодушной.

«Я только на минутку закрою глаза, – подумала она. – Только на минутку опущу ресницы. Я не усну – и так уже наспалась». – И опустила веки.

Марье снится ледяной терем с резными столбами, прозрачными стенами, искрящимися занавесями. С тихим перезвоном плывет мелодия – то ли колыбельная, то ли капель. Все пронизано светом – серебряным, замерзшим, застывшим в воздухе. Марья знает: она не одна здесь. Среди пустых ледяных комнат спит чудовище, страшнее которого нет, безобразное черное пятно на белизне. Марье тоскливо и холодно в тереме, но ей нельзя искать путь наружу, чтоб не разбудить ненароком монстра, не указать ему дорогу в мир. Только спать и остается. И Марья замирает в горнице, у затянутого белой пеленой окна, закрывает глаза. Мелодия становится громче, и Марья слушает ее жадно, находя в ее переливах успокоение. Тянется звук за звуком, длится хрустальный перезвон крошечных колокольчиков, а затем обрывается грубым диссонансом. Марья распахивает глаза, видит, как рушится вокруг нее ледяной дворец, рассыпается на острые осколки – а за ним густая враждебная темнота.

Резко вдохнув, Марья потрянула головой, обхватила себя за плечи – после дремоты ее тряс озноб, словно и вправду в ледяном тереме побывала. Напротив снова скрипнул стул – именно этот звук вырвал ее из дремы, разрушив ледяную колыбельную.

И Марья была ему за это благодарна.

Он уселся напротив, поставил локти на стол, опустил на переплетенные пальцы подбородок. Глубокий капюшон тенью скрывал почти все лицо, только губы и видны.

Улыбнулся.

– Ты звала, маленькая сестрица. Неужели соскучилась?

Марья до боли сжала кулаки, чтобы ногти впились в кожу. Нет, это не сон. Если он и снился ей, то огромной птицей, теряющей перья, вихрем из крыльев и когтей. Обычно во снах не бывает запахов, но с ним ее сны всегда полнились гнилью и тленом.

Сейчас же от него едва заметно пахло дымом.

– Я даже не верила, что ты явишься.

– Как я мог не прийти после такой настойчивой просьбы? – Он демонстративно махнул рукой. – Должен признать, ты нашла довольно оригинальный способ передать приглашение. И даже в мелочах ты была верна себе, маленькая сестрица, – себя не жалела, и все ради того, чтобы мне несколько лишних неприятных минут доставить!

Марья смущенно поморщилась.

– Ну извини, ничего поострее под рукой не нашлось. И вообще пришлось импровизировать.

Финист склонил голову к плечу совершенно птичьим движением, черно-седые волосы рассыпались по плечам. Помедлив, он стянул капюшон и снял темные очки с крупными стеклами. Марья скользнула взглядом по бельмам, вздрогнула и отвела глаза.

Еще вчера она и представить не могла, что будет искать помощи у ночного кошмара.

Сегодня смотрела на него с надеждой.

– Зачем ты меня звала?

– Моя сестра... – Слова застряли в горле, и пару секунд Марья беззвучно открывала и закрывала рот. Одержима? Стала монстром? Ее подменили? Она и сама не знала. – В общем, она хочет запереть меня.

– О. – Финист откинулся на спинку стула. – Разве это на нее не похоже?

– Конечно, нет! – Марья расфыркалась, как кошка. – Она и раньше не пыталась, понимала, что только больше воевать будем! Ну и она не смогла бы запереть меня *внутри сна*. А еще у нее черные глаза. Вообще черные.

– Это, конечно, очень занимательно, моя дорогая, но чего ты хочешь от меня?

– Помощи, конечно.

Он тихонько рассмеялся, прикрыв глаза ладонью.

– Каждый раз забываю, какая ты... непредсказуемая. Ненавидишь меня, боишься, но именно ко мне бежишь за помощью. Должен признать, мне это даже нравится. Но с чего бы мне тебе помогать?

Марья резко вздохнула и нахмурилась. Она и не думала, что Финист может отказать, и сейчас ее пробрала дрожь, словно она стояла у края пропасти, и мелкие камни срывались вниз из-под ног.

И потому Марья не придумала ничего лучше, чем в эту пропасть шагнуть.

– Ну уж точно не по доброте душевной! Не хочешь так оплатить свой билет в мир живых?

– Моя дорогая, а разве примирение с сестрой и четыре почти счастливых года были недостаточной платой? Ведь признайся, если б не я, вы бы до сих пор друг другу глотки грызли!

Марья скрипнула зубами и медленно выдохнула.

– Конечно, легко сломать чужие жизни, а потом оправдываться, что только лучше стало! Стало – но не твоими усилиями! Да и откуда тебе знать, как мы с сестрой жили?

Финист снова оперся на локти, навис над столом, приблизив свое лицо к Марье. Ей едва хватило выдержки не отстраниться и не вцепиться ему в глаза – хотя хотелось, и очень сильно. Она чувала – он издевается над ней, иначе встал и ушел бы сразу после просьбы, расхохотавшись ей в лицо. Или вовсе бы не приходил.

В кафе резко стало промозгло и неудобно, словно влажным дыханием леса повеяло. Внимание на них никто не обращал – ни официантка, ни единицы ночных посетителей, словно стоило войти Финисту, как эта часть зала провалилась в другой слой мироздания, невидимый для остальных.

– Ты же знаешь сама, – прошептал он с ядовитой улыбкой, – я следил за тобой. Я всегда был рядом. Не как тень, конечно же, но достаточно близко. Что же ты так удивляешься? Не ты ли замечала меня в толпе?

– Я думала, мне показалось, как и многое другое.

– О, маленькая наивная сестрица, знала бы ты, сколько из того, что тебе *казалось*, было на самом деле!

Марья нервно дернула уголком губ.

– Зачем? – Раздражение прорвалось в ее голосе, глубоко в груди клокотал гнев, замешанный на страхе, и эта адская смесь согревала и разгоняла кровь, жаром прилиwała к лицу. – Какого черта ты вообще рядом крутился?

Финист пожал плечами и снисходительно улыбнулся.

– Я же привязан к тебе, маленькая сестрица. Увы, в прямом смысле этого слова. Побратимство не дает покинуть тебя – так далеко и надолго, как хотелось бы. Вот и приходится присматривать за тобой: ты все же залог моей жизни.

Марья встрепенулась, уловив, как на последних словах дрогнул голос Финиста. Если и было в его словах что-то важное среди велеречивого мусора, то именно это – побратимство. Навязанная ей связь с нежитью, исподволь пьющая ее силы.

– Только ты забываешь, что и ты – залог моей жизни, – тихо сказала Марья, не отводя взгляда от его лица. – Нет, дорогой братец, тебе придется мне помогать. Аня... то, что теперь ходит вместо нее, требовало остаться, требовало вернуться домой. Чтобы я была в безопасности. Как думаешь, я могу быть в безопасности, пока ты волен ходить где вздумается и искать приключения себе на задницу?

Финист только хмыкнул, больше заинтригованный ее отповедью, чем раздраженный.

– Вполне. Я же себе не враг.

– Вот только моя сестра – то, что осталось вместо нее, – этого не знает. Если она найдет меня, если снова запрет или усыпит – я расскажу ей о тебе. Расскажу, как болят общие раны, я ведь все еще помню о той стреле в Нави. Расскажу о твоём дурном характере и что ты уж точно нажил себе пару врагов за эти годы... что ты так морщишься, я угадала?

– Угадала. – Финист улыбнулся во все зубы, и улыбка вышла больше жуткой, чем милой. – Ты удивительно умна, маленькая сестрица, и в чем-то мне это даже нравится. Но с чего ты взяла, что я не справлюсь с нашей дорогой Соколицей?

– Так справься сейчас! – Марья вцепилась в его запястье. – И все вернется на круги своя. Оглянись.

Она медленно шла мимо окна-витрины кафе, словно плыла, преодолевая сопротивление течения. Неторопливо поворачивала лицо в разные стороны – осматривалась, хоть глаза и были закрыты. Мигнула рекламная вывеска кафе, на ее кожу упали красные и желтые отсветы, безобразные тени расчертили его и тут же исчезли. Когда она обернулась к окну, Марья и Финист замерли, но она не заметила их или не почувствовала, так же медленно пошла дальше, словно вместо стекла была сплошная стена.

Они сидели молча и неподвижно, пока Аня не прошла мимо и не исчезла в темноте.

– Видишь? – зашептала Марья. Внутри все ныло от страха. – Я не знаю, как она меня находит, и знать не хочу, что может еще со мной сделать. Но будь уверен, с тобой случится то же самое. Не думаю, что ты так рвался в мир живых, чтобы здесь спать в янтаре приторных сновидений.

– Навьи дети! – Финист резко отвернулся, уставился в столешницу. – Беру свои слова назад – с ней я не справлюсь.

Он повертел в руках матовый пузырек с перекисью водорода, который официантка так и забыла забрать, вздохнул с горечью и иронией:

– Умеешь же ты находить нам приключения, сестрица!

– Все-таки нам?

– Твоя сестра одержима, и одержима добровольно, – тихо сказал Финист. – Если от нее что-то и осталось, то только тело. А с тем, что внутри, я сталкиваться не хочу.

– С чего ты взял, что добровольно? – Марья тут же ощерилась, даже и думать не желая, что Аня по своей воле могла стать монстром и желать ей зла.

Финист только усмехнулся, подняв на нее глаза:

– Когда недобровольно – тело не такое целое. Так говоришь, она никогда бы тебя не заперла?

Марья сердито засопела, заново проматывая в голове последние несколько лет, на этот раз пытаясь взглянуть на них беспристрастно. Да, она всячески отрицала Навь, не замечала странное и жуткое, старалась жить обыденной жизнью, но никогда не забывала, что было на самом деле. Благодаря кому все началось и благодаря кому закончилось. Она умела быть признательной и потому стала удобной, огрызаясь и скаля зубы только там, где можно. Где это не обидит Аню, не рассердит и будет сочтено всего лишь игрой. Так жилось спокойно – почти. Только болью в груди сидело что-то зловещее, словно то, что раньше было дурным характером и капризами, после Нави обрело свою волю, зубастую пасть и острые когти. И стоило хоть чуть-чуть ослабить самоконтроль, как монстр просыпался и смотрел ее глазами. И Марья

добровольно спряталась в ледяной кристалл, позволила холоду забрать себя, нарасти слой за слоем инеем, и сама отгораживаясь от чудовища, и пряча его от глаз сестры. Лишь бы ее не разочаровать.

Но она сама выгнала меня, напомнила себе Марья, пока злость и обида снова не разгорелись в груди. Зачем запирать, если видеть сестру не хочешь? Не проще ли зачаровать и прочь прогнать?

Из темных мыслей ее вырвал приказ Финиста:

– Дай руку.

– Зачем?

Финист раздраженно нахмурился.

– Давай договоримся. Раз ты попросила моей помощи, то ты меня слушаешься. Ты же знаешь сама, ничего плохого я тебе сделать не могу.

– Просто у нас разные представления о плохом, – проворчала Марья, но руку протянула.

Финист оставил ее выпад без ответа, осторожно засучил рукав, и Марья поморщилась, когда присохшая шерсть начала отходить от царапин. Они снова начали кровить. Финист бережно протер царапины ватным диском, смоченным в перекиси, провел следом кончиками пальцев – и их холод тут же унял жжение.

– Спасибо, – немного удивленно поблагодарила Марья, когда Финист помог расправить ей рукав. Всю процедуру она просидела молча, не сводя с Финиста недоверчивого взгляда. – А твоя рука?

– Как мила твоя забота, моя дорогая, но обо мне можешь не переживать. В лесу и ветка сильнее ударит, чем ты царапаешь.

Ватный диск со следами крови он бросил Марье:

– Забери. Потом надо сжечь.

Он взглянул за улицу и дернулся – мимо снова призраком плыла Аня, но теперь ее сосредоточенное лицо было обращено к окну. Марья коротко оглянулась на нее и тут же отвернулась, поежившись. От одного взгляда на сестру становилось и жутко, и тоскливо, и стыдно.

Финист резко выдохнул сквозь зубы:

– Надо уходить скорее. И так, чтоб с ней не столкнуться.

– Почему она не заходит?

– Не может. Ждет, когда кто-то дверь откроет. Неживые твари, знаешь ли, не могут войти сами даже в кафе.

– Как вампиры? – Марья слабо улыбнулась. – А ты как вошел?

– Ты же меня позвала. Этого достаточно. Поэтому не смотри на нее – взгляд тоже можно посчитать за приглашение.

Финист деловито огляделся, недовольно побарабанил пальцами по столу. Часы у барной стойки показывали половину шестого – слишком рано для зимнего рассвета, но тьма снаружи уже становилась все менее непроглядной, а свет фонарей все более тусклым.

– Идем, – Финист поднялся, снова надел очки и накинул капюшон куртки, протянул Марье руку. – Надеюсь, ты хорошо бегаешь.

– Знаешь, за сегодня я уже набегалась. – Марья недовольно поморщилась, но накинула и застегнула пальто.

Он повел ее к черному входу, мимо официантки, смотрящей сквозь них стеклянными глазами. Толкнул дверь навстречу утренней темноте, жадно втянул воздух. Не отпуская руки Марьи, потянул за собой в лабиринт грязных дворов, настолько темных, словно свет никогда в них не попадал. Финист легко находил путь, и Марья старалась не оглядываться – подозревала, что увидит за спиной только сплошную стену.

Они шли быстро, почти срываясь на бег, и было не до разговоров. Марья зажимала воротник, но ветер все равно щипал горло и проникал ледяными пальцами за шиворот. Сумка

мешалась, то соскальзывала с плеча, то впивалась в бок чем-то жестким сквозь подкладку, но бросить Марья ее не осмеливалась, волной поднимался протест: «Там же паспорт и ключи!» Довольно скоро начало колотить в подреберье, но Марья только сжимала зубы и старалась не сбиться с шага и не отстать. Она ослабла после сна, и несколько блинчиков не смогли восстановить ей силы.

Финист коротко оглянулся, крепче сжал ладонь.

– Потерпи, маленькая упрямая сестрица. Недолго осталось.

– Куда... мы? Прят... – Марья выдыхала слова через силу, отрывисто, на большее не хватало сил. Да и на эти огрызки слов их тратить не стоило.

– Прятаться, да. Туда, где твоя драгоценная Соколица нас не найдет. – Он остановился, позволяя Марье перевести дыхание. – Знаешь, как собак сбивают со следа? Идут по воде. Так вот – под водой тоже подойдет.

Марья удивленно вздернула брови:

– Но как? Очередной навий фокус?

Финист улыбнулся:

– Почти.

Когда небо начало сереть, предчувствуя скорый рассвет, они вышли на набережную. Ветер здесь дул сильнее, рывками, трепал волосы, насквозь вымораживал влажным дыханием одежду. Марья обхватила себя руками, пытаясь сохранить хоть чуть-чуть тепла, но, кажется, его и вовсе не было. Финист посмотрел на нее и с неохотой стянул свой шарф – его холод, похоже, не волновал. Марья покосилась на его куртку: она в такой замерзла бы и осенью.

Плитка набережной едва блестела, покрытая тонкой наледью, словно прозрачной глазурью. Здесь, у вечно беспокойной воды, зима всегда была коварнее и зубастее. Чуть зазеваешься, и она оставит в тебе свой отравленный морозом зуб.

Марья едва не задремала на ходу, так шла и шла бы, если б Финист не схватил ее за плечо.

– Нам сюда.

Совсем рядом, почти у их ног, вниз уходили ступени и терялись в темноте.

Марья моргнула и решила, что точно спит.

– Что за черт? – Облачко пара вылетело вместе с раздраженными словами. – Я знаю это место, никогда тут не было подземного перехода... да ладно, в городе вообще нет такого подземного перехода!

Финист довольно рассмеялся, словно удачному розыгрышу.

– Может, ты просто не умела правильно смотреть?

– Ну давай, расскажи мне про особенное восприятие мира, – проворчала Марья. Она топталась на верхней ступеньке, не решаясь шагнуть вниз, хотя оттуда и веяло теплым и сырым воздухом.

Финист легко сбежал по лестнице вниз и почти растворился в темноте. Когда он обернулся, Марья смутно видела, как белеет его лицо.

– Поспеши, надо успеть, пока встает солнце. Или ты передумала и хочешь вернуться к сестре?

– Здесь темно и скользко, – тут же огрызнулась Марья. – Я просто боюсь переломать ноги.

Финист только лукаво улыбнулся, когда она с ним поравнялась:

– Темно?

Снизу действительно шел свет, и с каждым шагом становился ярче и чище. Он не слепил, мягко обтекал стены, волной катился к ступеням. Стоило Марье шагнуть под высокий свод, как свет затопил туннель, отрезая ей путь назад.

Она слотнула, но оглядываться не стала.

Стены перехода аркой сходились над головой, вроде бы высоко, рукой не достать, даже если подпрыгнуть, но тяжесть свода все равно давила на плечи, и Марья сутулилась, не могла

заставить себя оторвать взгляд от пола, от крупных желтоватых плит. Густая, вязкая тишина жадно ловила любой звук, и едва можно было шаги отличить от дыхания или шума крови в ушах.

Было светло и пусто – и Марья чувствовала себя такой маленькой и неуместной среди этих древних, однотонных стен, что вцепилась в ладонь Финиста. Он взглянул на нее и сжал ее пальцы, ободряя.

Начала кружиться голова, и Марью не покидало чувство, что она в горячечном бреду – лежит дома с температурой, не отличая сон от яви, вот-вот проснется. Уж лучше так, чем идти и идти, когда кажется, что стоишь на месте.

Краем глаза Марья заметила темное пятно и вздрогнула, оборачиваясь, но это оказалось всего лишь ответвление тоннеля за огромной квадратной колонной. Прямой переход превратился в лабиринт – он тянулся во все стороны, прихотливо извивался среди стен и колонн, там, где уже ничего не разглядишь в сгустившемся полумраке.

– Держись рядом, – Финист сильнее сжал ее ладонь, притянул к себе, – не отходи от меня. Здесь легко потеряться, и поверь, ты не хочешь знать, куда отсюда можно выйти.

– Лиминальное пространство, – с усилием улыбнулась Марья, успокаивая сама себя. – Очаровательно.

– Умничаешь, маленькая сестрица?

– А что мне еще остается?

Она не знала, сколько они так шли и сколько еще пройти им предстояло. Тишина пульсировала в ушах, и от нее начало подташнивать.

– Что мы будем делать там, куда придем? – Ее голос прозвучал отчетливо и резко, со скрежетом гвоздя по стеклу. Марья скривилась, но продолжила – здесь даже диссонанс был лучше тишины. – Прятаться?

– И это тоже, – Финист почти шептал, и его сухой голос походил на шелест крыльев, – но в первую очередь – искать того, кто расскажет, что с твоей сестрой стало.

Марья оглянулась с надеждой.

– Ты думаешь, ее еще можно... спасти? Вернуть, как было?

– Бедная, наивная девочка... Ты все еще веришь в сказки? Наша дорогая Соколица заключила с кем-то договор. И чтоб от этого кого-то спрятаться, надо узнать, кто он. Может, – Финист усмехнулся, – удастся узнать его истинное имя и заставить его не преследовать нас. Или хотя бы меня.

– Или хотя бы узнать, как этого «кого-то» убить, верно?

Слова горечью щипали язык, и Марья дышала мелко и часто, стараясь загнать и горечь, и злость вглубь. Она привыкла, когда злость прорывается ядовитыми словами, насмешками, агрессией, облеченной в шелк иносказаний. И совсем не любила, когда злость выходила слезами.

Финист только крепче сжал ее ладонь.

– Догадливая девочка.

Марья отвела глаза, но спорить не стала. В груди больно кололо, и она уговаривала себя – от усталости. И старалась не вспоминать, что и смерть может быть избавлением.

...Мать заболела внезапно, около года назад, когда Марья уже училась в выпускном классе. Сначала они и внимания на это не обратили. Решили: опять где-то напилась, тем более и время располагало – несколько дней до Нового года, за спиной – католическое Рождество. Если нужен повод, то его и искать не надо.

Аня заметила первой: из квартиры исчез резкий и тяжелый запах дешевого алкоголя. Марье казалось, такое вообще невозможно, хоть выстуди всю квартиру: настолько он уже въелся в стены и мебель, пропитал все,

отравив и обезобразив их жизнь. Она научилась не замечать его и потому просто не могла поверить в его отсутствие.

Им обоим тогда было не до этого: Марья придирчиво развешивала гирлянды, Аня мастерила бисерное кружево для елочных шаров, и думать хотелось только о том, что все будет хорошо. И говорить – только о хорошем, медленно, тщательно подбирая слова, словно вальсируя среди бритвенно острых осколков льда: одно неверное слово, одно неверное движение – и обидишь сестру, разрушишь хрупкое перемирие.

Конечно, мать в эту идиллию не вписывалась.

Тихая новогодняя ночь, окаймленная иголочками инея, раскрашенная далекими фейерверками, была почти волшебной. Марья чуяла – скоро, скоро все изменится, станет спокойно, хорошо, и странные тени исчезнут, и жуткие сны прекратятся, и холод уйдет из костей вместе с зимой.

А утром Марья обнаружила мать в бреду: она звала отца, сгорая от жара, который ни одни таблетки не брали. Это было жутко, жутко и неправильно, и Марья топталась у ее кровати, не находя себе места, не зная, за что схватиться. Когда их нашла Аня, Марья уже успела губы в кровь изгрызть от волнения.

Аня, конечно, знала, что делать. Первым делом успокоила сестру, прижала к себе, как в детстве, и только потом вызвала матери «Скорую». Марья не призналась: самым жутким и диким было то, что в жестах, в хриплом, срывающемся голосе, в оплывшем лице больной женщины она узнала размытый временем образ мамы – такой, какой она помнила ее рядом с отцом, красивой и счастливой.

С тех пор их квартира превратилась в лабиринт из темного, мутного кошмара. Мать либо тихо таяла, погруженная в бред, беспрестанно говорила с отцом – с давно мертвым отцом, и все казалось – он отвечал. Либо кричала от боли, скручиваясь в жутких приступах, и тогда Марья сидела, зажав уши, или убежала из дома.

А Аня оставалась с матерью. Держала за руки, силой поила лекарствами, вызывала неотложку, если приступы были слишком сильными. Она не давала ей умереть, держала и держала, и Марья не понимала почему. Ради чего она терпела, если даже не ненавидела мать, а презирала?

Все закончилось в ослепительно белом июне. Марья и сама не заметила как – погрузилась в подготовку к экзаменам, отгородилась от всего мира учебниками, заткнула уши – и в череде формул нашла успокоение: хоть что-то было понятным и предсказуемым. Кажется, в тот день мать кричала особенно громко и долго. Она давно уже перестала говорить с призраком отца – настолько ослабела, что едва шевелила губами. И теперь крики и звериные, гортанные стоны пробирала до нутра – даже через стены и запертые двери.

Марья в очередной раз перечитала параграф, не запомнив ни строчки, обессиленно уронила лицо в ладони. Внутри все сворачивалось от тоскливого, отчаянного ужаса, и хотелось разрыдаться – просто потому, что больше ничего она поделать не могла. Марья досчитала от десяти до одного и поднялась из-за стола.

Она не удивилась, найдя сестру в коридоре, прислонившейся лбом к двери в спальню матери. Аня стояла с закрытыми глазами, словно спала, лицо ее было серым от усталости. Марья обняла ее со спины, прижалась щекой к лопаткам.

– *Может, стоит вызвать «Скорую»?*

Аня едва заметно вздохнула.

– *Нет, не в этот раз.*

– *Почему?*

Аня не стала отвечать, только поймала ладонь сестры и сжала кончики ее пальцев, ледяные даже в оглушающую жару.

Казалось, сам воздух вибрировал от криков. Марья не могла сказать, сколько они так простояли, замерев, разделив ужас и страх. Рядом умирал человек, которого они не любили, но от близкой смерти все равно волосы вставали дыбом на затылке.

Когда упала тишина, Марья подумала, что это она оглохла или умерла. Живот свело от опустошенности. Помедлив, Аня неуверенно надавила на дверную ручку, едва слышно щелкнул замок, скрипнули петли. Все еще не отпуская ладони друг друга, сестры вошли в спальню, как в логово зла.

Марье показалось, от кровати метнулась длиннорукая тень, в лицо дохнуло кислым. Но, конечно же, в комнате не было никого живого.

Женищина, оплетенная жгутами сбившихся простыней, мало походила на их мать. Она вообще мало походила на человека – от нее осталась мумия, обесцвеченная, высохшая, одряхлевшая. Марья разглядывала ее с болезненным любопытством, вслушиваясь в свои чувства, но ни горя, ни отчаяния, ни невозможной потери не было.

Может, потому что мать для нее погибла гораздо, гораздо раньше.

Аня даже не взглянула на мертвую, она напряженно всматривалась в темный угол у самого окна, где едва заметно колыхались шторы. Марья мельком взглянула туда – что так отвлекло сестру? – но ничего не заметила. Кажется, странный силуэт шевельнулся, сливаясь с тенями от штор, но мало ли что показаться может?

Марья первой нарушила уютное молчание:

– *Почему сейчас?*

Аня опустила плечи, словно наконец позволила себе расслабиться, не быть готовой ко всему на свете.

– *Тебе уже восемнадцать, и она... она стала не нужна. Удерживать ее дальше было бы слишком жестоко.*

Марью передернуло от сухого расчета в словах сестры. Пожалуй, ее меньше задело бы, если б Аня упивалась страданиями матери – в конце концов, эта женищина заслужила и не такое.

– *Мы и так слишком продлили ее мучения, – даже не заметив оторопи сестры, продолжила Аня, словно говорила сама с собой, то ли убеждая себя, то ли оправдывая, – пора было ее освободить.*

Она снова покосилась в темный угол, нервными, резкими движениями поправила шторы, чтобы тень их легла ровно и гладко, бросила через плечо:

– *Занавесь зеркала. Об остальном я позабочусь.*

Может, и о себе она тоже так думала: я мучилась достаточно, пора меня отпустить?..

От старых едких воспоминаний начало жечь глаза. Марья заморгала часто, но темные пятна только сильнее и сильнее расплывались перед ними.

Она не сразу поняла, что это ступени навверх темнеют впереди, смутные и размытые, словно возникают из небытия под ее взглядом. Они не приближались – маячили, как издевка,

как символ недостижимой мечты. Хотелось уже броситься к ним со всех ног, чтоб вырваться из этого желтого, пустого и жуткого тоннеля, но Финист силой удержал ее рядом.

Кажется, прошла еще целая вечность, прежде чем Марья поставила ногу на первую ступеньку, скользкую от заледенелой влаги, и в лицо ей ударил поток холодного воздуха. Финист удержал ее, когда нога соскользнула, и она едва не покатилась вниз, в темноту – стоило начать подниматься, как свет за спиной исчез. Марья подозревала – вместе с тоннелем.

Когда они снова выбрались на набережную, небо за покрывалом туч уже посветлело.

Финист невесело усмехнулся:

– Добро пожаловать на обратную сторону, маленькая сестрица.

4

Бойся живых

За спиной, конечно, от подземного перехода и следа не осталось. Марья потеряла виски – каким бы огромным ни был тоннель, он все же придавливал к земле, и после него огромное пространство вокруг оглушало; казалось, вот-вот в небо упадешь. Она медленно оглядывалась, и никак не могла понять, где они находятся. На первый взгляд все осталось неизменным – старые двухэтажные дома вдоль дороги, голые черные деревья, трещины на асфальте, но чем больше Марья вглядывалась в детали, тем меньше узнавала родной город. Словно наизусть выученные кусочки пазла сложились в новую картину.

И она пугала.

Здесь все таким было – отраженным в зеркале кошмаров: неправильным, неживым, искривленным. Пустым. Ни линий электропередач, ни рекламных щитов, ни фонарей. Ни машин, ни пешеходов. Небрежная декорация, выполненная с педантичным вниманием к одним деталям, но полностью игнорирующая другие – и потому еще более жуткая.

Здесь было серо и сумрачно – тяжелые тучи лежали почти на крышах домов, от них тянуло холодом и сыростью. В густом воздухе проплывали блеклые размытые огоньки – словно с той, живой стороны, просвечивали электрические огни фар и вывесок.

– Налюбовалась?

Голос Финиста резким щелчком сбил с Марьи оторопь жути. Она вздрогнула, несколько раз глубоко вдохнула, заставляя себя успокоиться, почти безмятежно улыбнулась.

– Да, и мне здесь не нрав...

Она обернулась к Финисту и не смогла сдержать вскрика. Все спокойствие сдернули с нее, как вуаль. Здесь, на обратной стороне мира, он действительно был мертвым соколом.

Он спокойно стоял, лениво покачивая темными очками в опущенной руке, и даже улыбался, позволяя ей разглядывать себя, и, кажется, даже упивался ее страхом, смешанным с брезгливой жалостью. Сквозь тонкую бледную кожу просвечивали темные сосуды, губы потрескались и воспалились, кожа вокруг ногтей потемнела, а сами ногти, крупные, загнутые, подобно птичьим когтям, были сероватого оттенка. Но хуже всего оказались глаза. Гной, скопившийся в уголках и на ресницах, желтоватые бельма, кожа вокруг – красная, припухлая, покрытая мелкими язвочками и царапинами с запекшейся бурой кровью.

– Хорош? – Финист усмехнулся, мелькнули зубы – заостренные, такие же сероватые, как и когти. Марья малодушно понадеялась, что ей показалось.

Он тряхнул головой, снова надел очки, едва заметно поморщившись, когда дужка чиркнула по воспаленной коже. Среди черно-серых волос мелькнули полосатые перья, и Марью пробрала мелкая дрожь.

Она их узнала.

– Где мы?

Финист галантно предложил Марье руку, и она не сразу справилась с дрожью отвращения, вцепилась в рукав, стараясь не касаться кожи.

– Там, где нам помогут. Если, конечно, мы найдем, кого спросить, и сможем спросить правильно. И не надо так вздрагивать, маленькая сестрица, здесь тебя не съедят – я не позволю. Марья с легким раздражением сильнее сжала ладонь Финиста.

– Я не это имела в виду. Что это за место?

Она так боялась остаться одна, так хотела, чтоб рядом был тот, на кого можно положиться, кто возьмет ее за руку и поведет вперед, но теперь, когда этот кто-то нашелся, покро-

вительственная усмешка в его голосе выводила Марью из равновесия. Хотелось шипеть и царапаться кошкой, не привыкшей к рукам.

– Можешь считать это порогом. Еще не Навь, уже не мир живых. Но, к твоему счастью, к миру живых ближе. Некоторые люди сюда, кстати, как к себе домой ходят... опасайся их.

– Вот как? – Марья нервно усмехнулась и облизала губы. – Опасаться их, а не тебя?

Финист остановился и внимательно посмотрел на нее. Повторил терпеливо:

– Ты знаешь: я не сделаю тебе ничего, что может принести вред мне. Живые... те, кто сюда приходит, уже мало отличаются от нечисти, да только их никакие законы не сдерживают и никакие обереги от них не защищают. Это тебя убедило?

Марья чуть помедлила и кивнула. Дальше они шли молча, и Марья вертела головой, пытаясь найти на этой стороне хоть что-то знакомое. Башня виднеется, белая, квадратная, – не кремль ли? Но где же ее соседки и колокольня за стеной? Среди низких старых домов мелькали уродливые коробки многоэтажек в черных квадратах пустых окон, иногда за ними – степная трава в человеческий рост, серая и мертвая. За очередным поворотом Марье почудился стальной блеск воды – тягучей и неподвижной, сонной гладью застывшей безо всякого льда. Порыв ветра бросил в лицо мелкую морось и принес тяжелый запах ила.

Марья слизнула с губ мелкие капельки и осторожно спросила:

– А у кого мы будем просить помощи?

Финист, кажется, только и ждал этого вопроса. Не сбавляя шага, он искоса взглянул на Марью, лукаво улыбнулся:

– Пусть это будет сюрпризом, маленькая сестрица.

– Если с этим сюрпризом нужно как-то особенно общаться, то расскажи мне правила заранее.

– Не переживай, правила простые, даже ты их запомнишь: не вмешиваться в чужую беседу, не говорить ни с кем без меня и не визжать. Справишься?

Марья только глаза закатила на такую банальную подначку:

– Ой, даже не знаю, такие сложности, такие сложности...

Случайный взгляд скользнул по низким, клочковатым тучам, из-за которых слабо белело солнце. Налетевший ветер разорвал их, словно истлевшую ткань, и в прорехе мелькнуло небо – свинцово-серое, перечеркнутое изломанной черной тенью.

Или трещиной.

Марья сбилась с шага и остановилась так резко, что Финист и не заметил сразу, дернулся вперед, выпуская ледяные пальцы Марьи из ладони.

– В чем дело?

Когда он прекращал строить из себя паяца, его голос становился холоден и остер, а между бровей ложилась глубокая морщинка, губы сжимались в шрам, такой же белый, как и на щеке. И шутить с ним уже не хотелось.

Марья оглянулась на него и снова перевела взгляд на небо. Прореха в тучах уже затянулась, и они медленно наливались нездоровым сизым цветом, грозя прорваться гнилым дождем.

– Ты видел? Там, за тучами – темная полоса.

Финист цепко и твердо взял ее за плечо и повел дальше, не поднимая головы.

– Тебе лучше не смотреть в небо. К добру это не приведет.

– Но что это? – Марья едва поспевала за Финистом, но все равно запрокидывала голову. Пусть тень, расколовшую небо, и не было уже видно, Марья все равно ощущала от нее холод и жуть бескрайнего пустого пространства. Словно заглянула далеко в космос, туда, где нет ни звезд, ни черных дыр.

– Я не знаю. Да и не важно это. Идем.

Соврал.

Марья поджала губы, делая зарубку в памяти. Она еще вернется к этому вопросу, но позже, гораздо позже – когда у Финиста не будет возможности увильнуть от ответа.

Посреди улицы матово светилась стеклянная башня, выше любых домов. Словно кто-то вырвал ее из сада таких же высоток из стекла и металла и воткнул сюда, в старую брусчатку, среди низких, осевших домов. Сначала Марье показалось, что вместо окон у башни экраны и каждый показывает что-то свое, но когда они подошли ближе и она присмотрелась, то поняла, что затемненные стекла отражают небеса над разными местами: и лазоревую глубину над летним полем, и матовую белизну затертых метелями северных туч, и бурлящее небо над океаном, к которому тянутся ниточки тайфунов.

Она была настолько чужеродна туманной изнанке города, что сначала Марья решила, что заснула на ходу. Но Финист обрадованно прищелкнул языком и потащил ее к высоким стрельчатым дверям, больше подходящим готическому собору, чем стеклянной высотке.

– До сумерек нам спешить некуда, – пояснил он, и двери легко распахнулись от легкого прикосновения. – Лучше пересидим день здесь, пока ты не окончена.

Только после его слов Марья поняла, что сковавший ее холод – обычный, принесенный ветром, а не выросший изнутри. Среди стеклянных стен было ненамного теплее, чем под небом, но дышалось легче и пар уже не отрывался от губ.

– А это что за башня? Ее я тоже в городе не помню. Снова станешь говорить, что правильно смотреть не умела?

– А ее и нет в обычном мире. – Финист легко взбежал по лестнице, и сверху на него падали косые лучи света, молочно-белые, словно огромная луна подсвечивала ступени софитом. – Она как спица, на которую нанизаны остальные реальности. Сны в том числе.

Он помрачнел, словно вспомнил о чем-то неприятном, но тут же тряхнул головой, отгоняя тяжелые мысли. Одно перо вырвалось из волос и плавно упало на стеклянный пол. Марья подняла его, повертела в пальцах, дернулась от накотивших воспоминаний. Что было бы, интересно, если б тогда она не притащила домой серо-черные перья?

Словно откликаясь на ее мысли, в одном из стекол задвигались изломанные темные силуэты, будто марионетки в театре теней. Марья поспешила отвернуться – вряд ли на изнанке ей покажут хоть что-то хорошее. О плохом думать не хотелось, плохого и так хватало. Она поспешила за Финистом наверх, и стекло под ногами звенело чистым хрусталем, и волей-неволей Марья вспоминала ледяной терем из сна.

Здесь хотя бы было теплее.

Финист поднялся на несколько пролетов и сидел на площадке у окна, прижавшись лбом к стеклу. Марья не видела, что он разглядывал, подошла и села рядом.

– А ты что делал все эти годы? – Губы пересохли и плохо слушались, и слова получились скомканными и невнятными.

Мертвый сокол едва повернул лицо к ней, и Марья увидела, что в отражении глаза у Финиста нормальные, но какого цвета радужка, она так и не смогла различить.

– Жил. Или изображал, что живу. – Он ответил спокойно, и это спокойствие больше походило на грусть. Сейчас, без своих извечных шуточек и подначек, он казался сломленным и уставшим.

Жалеть его Марья не спешила.

– Изображал? И как, оценила восторженная публика?

Она следила за его лицом в стекле и не сразу заметила, что и он смотрит только на ее отражение.

– Ну как сказать, – Финист растянул губы в слабой улыбке, – с вилами и факелами за мной не гоняются, ни на этой стороне, ни на той. Но пару врагов нажил, это ты верно угадала.

– А за мной зачем следил? Только не ври опять, что присматривал и оберегал!

– Хорошо, не буду, – легко согласился Финист, прикрывая больные глаза. – Можешь считать, что я тебе завидовал. Что тебе не нужно ничего изображать.

Во рту пересохло, и Марья отвела глаза.

Изображать приходилось – маска «идеальной сестры» прижилась легко, ведь стоило ее хоть немного приподнять, как от удушающей вины жить не хотелось. Аня столько ради нее сделала, через столько прошла, а она даже не может ее просто не огорчать! И самое противное: гадкий, вьедливый голос существовал только в мыслях Марьи, сама Аня ни в чем ее не упрекала и сама смотрела тревожно, предугадывая желания сестры.

Марья поймала себя на том, что только сейчас, еще оглушенная одержимостью Ани, она прекратила притворяться. И ей это нравится.

– Приходилось, – хриплым шепотом призналась она, так и не поднимая глаз. – Приходилось притворяться.

– Что ж, значит, мой план никому счастья не принес. Жаль, что утешить себя нечем. – В его голосе снова прорезалась горькая ирония, и Марья поняла, что ни о чем он не жалеет. – Но, маленькая сестрица, даже знай, как все обернется, я все равно бы попытался. Что угодно лучше Нави.

– Понимаю. Лучше чувство вины, чем сожаление об упущенных возможностях.

Немного помолчав, она спросила:

– А о чем ты жалеешь? Что не удалось в твоем плане?

Финист оттолкнулся от стекла, потянулся, как кот, щуря глаза.

– Любишь ты растравлять раны, маленькая сестрица. – Он усмехнулся, но все же ответил: – Я был тварью леса и ею же и остался. Оказалось, чтоб ожить, вырваться в мир живых недостаточно.

Он замолчал, и неловкая тишина встала стеной. Марья покатала на языке горькие и едкие слова насмешки, но проглотила их, как и слова сочувствия – на них Финист оскорбится, пожалуй, сильнее, чем на издевку. Но прежде, чем она задала очередной вопрос, башня зазвенела сверху донизу, словно по стеклянной лестнице дробью застучали каблуки сотни людей.

Марья напряглась, вцепилась в сумку, снова вспомнив о газовом баллончике и снова – что он бесполезен. Финист же размял плечи и неохотно поднялся на ноги.

– Что происходит?

Он поморщился, но ответил, в руке матово блеснул крупный нож с зазубренным лезвием:

– Что ты и предсказывала, маленькая сестрица: нажитые враги явились по мою душу...

Ну, один из них.

– Мне следует бояться? – заинтригованно уточнила Марья. Финист был спокоен, и его спокойствие передалось и ей.

Прежде чем он ответил, на площадку шагнул человек – обычный такой, в строгом пальто, блестящих ботинках, с очками в металлической оправе на тонкой переносице. Вот только в сухом лице угадывалось что-то звериное – в разрезе глаз, носогубных складках, изгибе губ. Словно лис натянул на себя маску человека, но звериная суть все равно проступала наружу.

– Да, определенно стоит. – Он поприветствовал их сухим кивком, худые ладони с длинными пальцами спокойно покоились на оголовье трости. – Но не вам, юная сударыня, а вашему бесчестному спутнику.

Финист только устало закатил глаза:

– Лис, не драматизируй. Мы, кажется, в прошлый раз обо всем договорились. Не слишком ли рано ты явился снова?

По губам Лиса скользнула неприятная улыбка.

– Ты сбежал посреди разговора, мой пернатый друг. Разве это называется «договорились»? – Он удрученно покачал головой. – Мое терпение кончилось еще в прошлый раз, и я говорил тебе о том. Пришлось распорядиться твоим долгом... по-другому.

Финист напрягся, нож взлетел к груди, готовый парировать любой удар.

– С кем ты договорился? – почти прорычал он, медленно обходя Лиса по кругу. Тот же даже не считал нужным следить за ним.

– Это совершенно не важно. Неужели тебя так волнует, кто возместил мне все убытки с лихвой взамен на твою голову? – Он бросил короткий взгляд на Марью: – Вам лучше уйти, юная сударыня, для вашего же блага. Пока этот бесчестный проходимец не решил вами прикрыться.

Марья криво улыбнулась – уж этого Финист точно не сделает. Она попятилась, внимательным взглядом обшаривая площадку башни, пытаясь отыскать хоть что-то, что может помочь Финисту. Разве что разбить перила, вдруг края окажутся достаточно острыми.

Финист атаковал первым, он двигался быстро и ловко, Марья едва заметила его движение. Но Лис легко уклонился, поймал нож тонким лезвием – Марья даже не уловила, когда он успел вытащить его из трости. Скрежетнула сталь, посыпались искры – нехорошие, черные. Мужчины кружили друг вокруг друга, иногда звенел металл, и стеклянные стены подхватывали звук, искажали его, множа и множа среди отражений.

Финист хмурился и молчал, а значит, дело действительно было нехорошо. Марья прикусила губу, просчитывая, как лучше поступить. Пока лидировал вариант «не вмешиваться». Ее тревожило, что Финист больше не атаковал – оружие Лиса было длиннее, и он легко удерживал сокола на расстоянии. Тому оставалось только парировать хлесткие удары.

Сколько это все еще продлится?

После очередного звона руку Марьи обожгло короткой вспышкой боли, она даже вскрикнуть не успела, только удивиться. Тонкий порез над запястьем медленно наливался кровью. Вариант «не вмешиваться» сразу утратил лидерские позиции. В конце концов, решила Марья, роясь в сумке, все его раны достанутся и мне. А значит, надо что-то придумать.

Баллончик легко лег в ладонь, и Марья испытала злое удовлетворение, что наконец пустит его в дело. Когда противники снова отпрянули друг от друга и Лис оказался спиной к ней, она шагнула вперед и вцепилась в его плечо.

– Эй, сударь! – Она дернула его на себя, и Лис оглянулся.

Всего лишь на короткий миг, удерживая клинок между собой и Финистом, но ей хватило. Резкая струя газа ударила ему в лицо, и он отшатнулся, роняя лезвие, и вскинул руки к лицу, скорее инстинктивно, чем из реальной необходимости. Но он на мгновение отвлекся, и Финист успел – подскочил со спины, дернул за волосы, вынуждая Лиса запрокинуть голову, открывая шею, и перерезал горло.

Крови не было – Лис просто исчез.

Марья отбросила баллончик и отбежала подальше. Кажется, только на нее газ и действовал – лицо жгло, глаза горели, вдыхать удавалось через раз. Она разевала рот и терла глаза, но, кажется, становилось только хуже. Финист схватил ее за плечо и вытащил наружу, удержал, когда она сослепу чуть не скатилась по ступенькам.

На свежем воздухе ей полегчало, но слезы все равно текли, и она размазывала их по лицу, дышала жадно, радуясь холоду, успокаивающему жжению.

– Ты убил его? – наконец смогла она спросить.

– Лиса? Нет, конечно. Он старый сноходец и не дурак, чтоб являться в уязвимом теле. Худшее, что с ним случилось, – проснется с головной болью и пару дней не сможет прийти на изнанку.

Финист вздохнул и нахмурился, прибавляя еще имя к списку врагов.

Неуверенно коснулся волос Марьи, и она застыла, ожидая подвоха, но он только улыбнулся.

– Спасибо за подмогу, маленькая сестрица. Ты меня приятно удивила.

Марья фыркнула и поспешила воспользоваться хорошим расположением Финиста:

– Почему он на тебя взъелся?

– Я ему задолжал, – легко признался Финист. – А долг отдать не мог, потому что... соврал ему с самого начала. На услугу он менять его отказался, решил, что сможет меня легко взять. – Он коротко хохотнул и нахмурился. – В следующий раз придется постараться, чтоб переубедить его. Или отыскать того, кому он пообещал мою голову... и договориться уже с ним.

– А что ты ему задолжал?

Он легонько щелкнул Марью по носу, и она расчихалась.

– А это, сестрица, не твое дело. Для твоего же блага.

Марья недовольно моргнула, но настаивать не стала, только плотнее закуталась в шарф.

– Вернемся в башню?

Финист оглянулся назад и поежился – очертания башни дрожали, а все стекла потемнели, ничего не отражая.

– Не стоит, – наконец решил он. – Башня не любит насилия, а то, как мы избавились от Лиса... в общем, в ней теперь не безопасно. Пойдем, я знаю еще пару мест, где можно спокойно дожидаться вечера.

Марья шмыгнула носом и приняла предложенную ладонь.

5

Нечестивый базар

Вечер на изнанке был скорее тосклив, чем жуток. Тучи наливались грязными и сизыми красками, тени теряли очертания и становились пятнами чернильной тьмы. Синеватые сумерки укутывали город, и заблудиться становилось только проще. Марья снова оглядывалась, но, как бы ни пыталась, не могла узнать даже домов – все они были размытые и одинаковые.

За длинным уродливым зданием, скрипящим всеми досками, оказалась площадь, пустая на первый взгляд. Марья присмотрелась к ее центру, и тревога кольнула сердце: не сразу Марья поняла, что по привычке ищет до оскомины надоевшую статую Ленина. Прежним осталось все: и бурая брусчатка, расчерченная на квадраты светлыми мраморными плитами, и голые клумбы в сухих скелетиках роз, но не было ни фонтанов, ни памятника, ни стены кремля рядом, и из-за этого Марья терзало чувство, что она потерялась. Она сильнее вцепилась в плечо Финиста – он только оглянулся удивленно – и уже не отставала ни на шаг.

Края площади застил туман, он размывал ее границы, и скоро весь город потерялся в его мерцающей пелене. Ветер утих, но Марья только сильнее ежилась – даже не от привычного ледяного дыхания, ввевшегося в кожу, а от озноба и головокругения.

Первого торговца она заметила случайно: сначала приняла того за тень от можжевелевой клумбы, а потом тень дернулась и в ней открылись глаза – желтоватые, с горизонтальными зрачками, неровными и постоянно меняющими форму. Финист прошел мимо, едва удостоив создание взглядом, а Марья меж тем различала все больше и больше странных существ, словно вмиг научившись отыскивать фигуры в мельтешении деталей картинки-головоломки.

– Сколько же тут их? – сдавленно прошептала она, стараясь не слишком сильно вертеть головой.

– О, это еще немного. Сегодня не торговый день. – Финист теперь шагал медленно, и мелкая нечисть загодя прыскала с его пути. – Здесь только те, кто собирает истории и тем живет. Но я бы готовился к тому, что история, нужная нам, до их загребущих когтей еще не добралась.

– Но почему здесь, на площади, а не на рынке?

Финист хмыкнул:

– Дорогая моя, там, где торгуются и лгут люди, нечисти делать уже нечего.

У самой границы тумана несколько низкорослых лоточников, включенных, больше похожих на перекасти-поле, чем на человека, что-то выкрикивали – не иначе зазывали покупателей, но до Марьи долетали только бессмысленные обрывки:

– ...звенящие печали! Колючие сны!..

– ...шепот и ропот – за меткость и монетку!..

– ...заберу голод, отдам скуку! Заберу злобу, отдам усталость!..

Финист, заметив интерес Марьи, наклонился к ее уху:

– Любишь яркую мелочовку, моя дорогая? Не хочешь ли обменять воспоминания? Только представь, вместо Навьего царства – сложный экзамен, вместо тюремщицы-сестры – перелом ноги. Чужая боль вместо своей иногда приобретение куда более выгодное, чем кажется поначалу.

Марья поспешно отвернулась. Издевка в голосе мертвого сокола царапнула так больно, что сейчас у нее не нашлось слов на ответную порцию яда. Пытаясь перевести разговор, она поспешно спросила:

– Кто все эти существа? Домовые?

– О, не только. Некоторые – да, старые духи, что смогли уцелеть и прижиться. Но посмотри на них – слабые, полупрозрачные, того и гляди в туман расползутся. Вот и торгуют яркой дешевкой, да и краденой к тому же. Люди обронили ненужное слово, выговорили кошмар, отсмеялись над шуткой – а эти тут как тут, подобрали и притащили на такую же ерунду обменять. – Финист едко улыбнулся и нежно провел пальцами по щеке Марьи, вытянул из-за уха волнистую прядку, и она тенью перечеркнула бледное лицо. – Нет, мы ищем тех, кто помоложе, кто умеет следить и запоминать. В том числе то, что к людям с этой стороны пришло.

То, что эти, помоложе, ей не понравятся, Марья поняла еще до того, как Финист дошел до группы странных существ – темных, с длинными ломкими конечностями и безглазыми лицами. Они не походили ни на что из того, что Марья могла бы видеть или представить, двигались редкими рывками и скалили игольчатые прозрачные зубы. Эти твари не казались разумными, и Марья отступила за спину Финисту. Если нападут, то пусть начнут жрать с него.

– Есть у меня одна история, – ни к кому не обращаясь, заговорил Финист, и все твари одновременно повернулись к нему, да так быстро, что Марья даже не заметила движения: моргнула – а зубастые морды уже к ним обращены. – Про то, как одна девица из окна в Навь шагнула...

– Вссс! Сказочки про Навь старикам рас-с-сказывай! Или историю говори, или убирай-с-ся! Другое здессь не жалуют! – Кажется, они и говорили хором, одинаково распахивая огромные пасти. За частоклом рыбих зубов не было видно языка или глотки – только сплошная чернота. Марью замутило, и она поспешно опустила взгляд. Лучше смотреть на их лапы – тонкие, когтистые, непропорциональные... хотя как представишь, что полоснет по горлу такая, и тоже дурнеет сразу.

– Вот как? – Финист удивленно приподнял брови. В задумчивости сдвинул дужку очков и потер переносицу. – Хорошо, у меня есть другая история. О том, как женщина себя алкоголем убивала, но убил ее один из ваших – до дна высосал – почти на глазах у дочерей.

Марья застыла, жадно ловя каждое слово, и от догадки ее затошнило. Это... это получается, он о ее матери говорит? Превратил ее смерть в байку на продажу?! Гнев затопил зрение, и под ледяной броней монстр приоткрыл глаза. Марья резко вдохнула, успокаиваясь, от гнева прячась за страхом: значит, это была не болезнь? Значит, странные тени ей тогда не казались?

Твари задвигались, защелкали многочисленные суставы в нескладных конечностях, как костяшки на детских счетах.

– Интерес-с-сно, интерес-с-сно, – многоголосое шипение раздалось со всех сторон, и неясно было, какая тварь говорит. – У меня ес-с-сть история о потерянном ребенке... а у меня – о забытом. У меня – как бабка своих детей сожрала, одного за другим. А у меня – как наша с-с-сестра кошкой год у семьи жила, пока вс-с-се с-с-сердца не выела...

Холод вцепился в нутро, растекаясь по жилам, и Марья покачнулась, с трудом устояв на ногах. Только сейчас она поняла, что окостенела от жути, которую и не понимала толком – и странно, и любопытно, а тело колотит, и тянет броситься прочь, не оборачиваясь. Финист оглянулся недовольно, нахмурился. Отвел в сторону, к кусту можжевельника, разлапистому и неаккуратному, шикнул:

– Жди здесь и помни правила.

Он уже отвернулся, когда Марья дернула его за рукав. Спросила срывающимся шепотом:

– А какую историю ты ищешь?

Финист оглянулся на тварей, замерших в предвкушении. Поколебался пару мгновений. Но все же решил, что они далеко – не услышат. Наклонился к самому уху Марьи, прошептал:

– С кем твоя сестра сделку заключила.

– Пожалуйста, спроси, как ее вернуть.

– Бессмысленная трата времени, – процедил он сквозь зубы и, резко отпрянув, вернулся к тварям.

Марья уже не слышала, что они там шипели и скрипели, как торговались. Чтобы чем-то занять себя, она отломала веточку можжевельника и начала ошипывать плоские палочки хвои.

– Что, деточка, про сестру узнать хочешь? Как от нее спастись да как ее спасти?

Марья вздрогнула и выронила веточку. Отряхнув ладони, она внимательно уставилась на неожиданного собеседника – больше похожего на гоблина, чем на домового или безымянную тварь. Завернутый в многослойные черные лохмотья, он был чуть ниже Марьи, едва не на полголовы, из-под капюшона блестели бусинками глаза, не разобрать какого цвета – то ли серые, то ли белые, то ли вовсе прозрачные. По-звериному волосатая и когтистая ладонь вцепилась ей в локоть.

– Ну так что, говорить-то тебе про сестру?

Марья облизнула губы и быстро оглянулась на Финиста. Тот увлеченно торговался с тварями, о чем-то спорил, демонстративно смеялся, прижимая ладонь к груди. Холод в крови сделал все мысли спокойными и прозрачными, и Марья отрешенно и спокойно оценила всю картину: и то, что Финист скоро не вернется, и то, что торговец с драгоценной историей может быстро разочароваться и затеряться на туманной площади, и что правила Финист точно на ходу придумал, чтоб ее саму на цепи держать.

В груди огоньком свечи затрепетала надежда: Аню можно исцелить, все можно исправить! Только уговорить Финиста торговаться с этим гоблином, только убедить его, что спасти сестру будет проще, чем убить или от нее сбежать!

– Мой спутник торгуется, не я, – наконец неохотно и уклончиво ответила Марья на требовательный взгляд торговца. – С ним говорите.

– Э, милая, что с ним говорить, – торговец тоненько захихикал, – если платить нечем. Ни глаз, ни крыльев – голь перекатная, взята с него нечего! Даже говорить с ним – тьфу, себе в убыток! А вот ты клиент поинтереснее...

Он снова заглянул в глаза Марье – мол, ну, заинтересовалась?

Не желая отвечать, Марья склонила голову к плечу. Что-то ей подсказывало, что задавать вопросы на этом странном рынке может слишком дорого стоить. Особенно таким пронырливым торговцам: вот проявишь любопытство – и без носа останешься.

В прямом смысле слова. И в лучшем случае.

– У меня тоже ничего нет, – наконец выдавила Марья, чтоб избавиться от неприятного жгучего внимания. – Ничего такого, что я могла бы отдать.

– А это, моя хорошая, не тебе судить, – торговец снова хихикнул и ласково потрепал Марью по щеке, чиркнув когтями по скуле. Кожу тут же зашипало. – Обещаю не взять ничего, о чем ты пожалеть бы могла. Но о том нам не здесь сговариваться, да, не здесь. Коль решишь-таки про сестрицу узнать, то ночью приходи. Одна. Вот тебе мое слово – ничего тебе не грозит.

И с этими словами торговец неторопливо заковылял прочь, все сильнее кутаясь в лохмотья. Марья застыла, борясь с сомнениями и соблазном – а вдруг он действительно что-то важное знает? Вдруг это действительно стоит любого, чего он попросит?

Если его история и впрямь спасет Аню – то определенно стоит.

– А куда приходиться-то? – не выдержав, наконец окликнула его Марья. Торговец тут же обернулся, и даже под капюшоном было видно, как он расплылся в довольной улыбке.

– Тебя проводят, радость моя.

И исчез в тумане. Марья даже глаза протерла, так быстро и бесследно он испарился.

Пока она потирала скулу, размазывая мелкие шарики крови, вернулся Финист – всклокоченный и недовольный. Его раздражение едва ли не костром трещало, искрами во все стороны выстреливая.

– Они не знают, – резко пояснил он в ответ на взгляд Марьи. – А раз не знают они, не знает никто. Идем. Надо ждать, пока они не найдут эту историю... если не передумают в процессе услышать мою.

Он коснулся скулы, удивленно взглянул на красные пятна на пальцах

– И где ты только оцарапаться успела?

Про странного навязчивого торговца Марья решила Финисту не рассказывать.

Когда они выбрались на улицы города, сумрак стал гуще и темнее, а тени домов расплзлись черно-синими озерами – шагни и провалишься неведомо куда. Тучи бурлили чуть ли не над головой, и в их нутре непрестанно ворчал гром, не спеша обрушиться во всю силу.

– Поспеши, – Финист дернул Марью за рукав, и та сбилась с шага, – нам пора искать ночлег.

– Вернемся в мою квартиру? Ну, в ее копию на этой стороне?

Финист странно оглянулся на Марью, дернул уголком губ, но промолчал. Он был мрачен и задумчив, настороженно прислушивался и не явил. Он был жуток, но сейчас его слова не пытались пройти иглами по открытым нервам, и Марья подумала, что таким он ей даже больше нравится.

– На этой стороне жилые дома опасны, – равнодушно пояснил Финист. – Там, где уже умирал человек, нежить и твари, что гораздо гаже нежити, чувствуют себя, как дома. А в старых домах могут и на мир живых влиять.

– Дома с привидениями?

– В точку. Нам подошла бы новостройка или офисное здание... если его не из жилого переделали.

Марья задумалась. Она никогда не интересовалась историей города настолько, чтоб специально узнавать, в каких домах еще никто не умирал. Да и были ли такие дома? Особенно низкий раскат грома из нутра туч подстегнул мысли – вымокнуть под ливнем не хотелось.

– А торговый центр подойдет? Который на пустыре, куда раньше ярмарки с каруселями приезжали?

Размытое воспоминание – солнце, отец, сладкая вата – царапнуло сердце и отступило, словно выцветшая фотография выглянула на миг из пухлой папки и тут же снова в ней затерялась.

Финист остановился, обдумывая предложение, огляделся, пытаясь сориентироваться в лабиринте потустороннего города.

– Ну, пойдем посмотрим, – наконец он согласился без особой уверенности.

После недолгих колебаний Марья спросила, как бы между прочим:

– Ты так спокойно торговался с тварями. Неужели их слову можно верить?

– Гадаешь, можно верить ли мне? – Финист криво усмехнулся. – Не переживай, маленькая сестрица, если нечисть дала слово, она не сможет его не сдержать.

Марья неловко улыбнулась, прокручивая в памяти обещание торговца и ища в нем подвох. Не мог же он и вправду звать ее для честной сделки? Или все-таки мог?

Чем дальше они уходили от площади, тем меньше оставалось старинных домов, еще сохранивших остатки классической красоты за облупившейся штукатуркой, тем выше вырастали кирпичные и панельные коробки с отражениями призрачных огней в темных окнах. Иногда тротуар сменялся тропой среди высоких трав, иногда она терялась среди пустырей битого стекла и кирпича. Марья давно утратила чувство времени и пространства и в одиночку даже на площадь вернуться бы не смогла. Ей казалось, что город меняется с каждым ее шагом, переживая сам себя, как в дурном сне. Но Финист шел уверенно, словно среди лабиринта одинаковых домов видел нужный путь.

Однако первой торговый центр заметила Марья. Он мелькал среди девятиэтажек, тускло блестели стекло и металл. Вот только повороты дороги уводили каждый раз в сторону.

– Может, между домов срежем? – не выдержав, предложила Марья, когда торговый центр показался снова, но уже совершенно с другой стороны, словно они, сами того не заметив, сделали круг.

– Не стоит, маленькая сестрица, – Финист удержал ее за плечо, когда она уже вознамерилась шагнуть на серую траву обочины. – Не стоит сходить с дороги – кто знает, где можешь оказаться. Земля тебя, конечно, не сожрет, не Навь здесь все-таки, но заиграет и запутает. Не хочешь же оказаться где-нибудь среди курганов?

Когда они добрались до дверей торгового центра, Марья совсем заледенела. Она засунула ладони в подмышки, пытаясь хоть немного их согреть, но сама только источала холод, даже сквозь слои теплой одежды. Она долго смотрела на огромное уродливое здание, на тусклые блики на непрозрачных стеклах, на металл, подернутый пленкой изморози, и все тоскливее понимала, что и здесь не согреется.

– Что ж, – после недолгого молчания вынес вердикт Финист, – могло быть и хуже.

– Например, разбитые стекла и кровавые отпечатки ладоней по стенам?

– Например, хозяева внутри.

Двери покорно разъехались перед ними, как и в мире живых. Марья выдохнула облачко белого пара, и едва оно пересекло невидимую границу здания, как окрасилось в тревожный багряный цвет. Финист махнул рукой, разгоняя его, и поморщился, как от зубной боли.

– Да, вполне могло быть хуже. Но не намного.

Марья фыркнула, но шагнула за ним следом.

– Очень воодушевляет, ничего не скажешь!

Как только за ее спиной с шорохом закрылись двери, хлынул дождь пополам с градом. Мелкие льдинки дробью ударили по стеклам, и шум скрыл взволнованный вздох Марьи.

– Хочешь поискать другое место? – с ироничной улыбкой предложил Финист.

– Благодарю покорно.

Сумрак в здании имел отчетливый красноватый оттенок, как от тревожного света сотен диодов. Стекланные галереи над головой едва заметно поскрипывали, словно кто-то медленно и тяжело по ним ступал. В нишах, где Марья помнила милые магазинчики, было пусто и голо – здесь огромного стеклянного монстра забросили сразу после постройки. Нигде ни следа человека – ни вывесок, ни прилавков, ни указателей.

Финист тревожно принюхивался к воздуху и хмурился. Его волнение передалось и Марье, и она кусала щеку изнутри, чтоб не начать язвить в глупой попытке защититься от собственного страха. Она провела по одному из стекол, чтобы стереть густую пыль и выпустить хоть немного света, но лучше не стало – изнутри стекло оказалось таким же темным, как снаружи: не разглядишь ничего, кроме общих размытых силуэтов.

Кто-то неторопливо прошел мимо, и Марья отшатнулась от стекла, скорее удивленная, чем испуганная.

– Не волнуйся, на эту ночь – мы хозяева этого места, – Финист мимоходом оглянулся на Марью и продолжил осматриваться. – Никто не войдет без нашего разрешения. Да и ночи здесь не страшнее дней.

– Дай угадаю, – мрачно усмехнулась Марья, – потому что и днем кошмаров хватает?

– И снова в точку.

Они устроились на втором этаже у огромного арочного окна. От стекол едва ощутимо тянуло свежим воздухом, но не холодом. Марья стянула шарф и, обмотав его вокруг сумки, подложила под голову. Долго ворочалась, пытаясь улечься на полу так, чтоб ничего не затекало. Финист же растянулся на спине и с меланхоличной улыбкой рассматривал потолок в переплетении металлических балок.

– Постарайся отдохнуть. – Голос его звучал непривычно мягко. – Ничего не бойся, не выходи наружу, что бы ни случилось, что бы ты ни увидела. И не верь снам – здесь рассыпано слишком много чужих кошмаров, ты могла легко подцепить один из них.

– Как простуду? – усмехнулась Марья, сворачиваясь клубочком. Холод медленно отступал, но она все равно чувствовала его пульсацию в костях.

Финист уже не ответил. Марья закрыла глаза, и обратную сторону век тут же затопило тревожным красноватым светом, далеким и манящим. Он мешал заснуть, и в голову все настойчивее лезли мрачные мысли, которые причиняли больше боли, чем самые злые насмешки Финиста. Что, если Аня ни с кем не заключала сделки? Если она сама по себе стала такой – жуткой тварью, желающей лишь одного – удушить Марью в своих заботливых объятиях? О, это ведь вполне на нее похоже! Что, если ее ни расколдовать, ни изменить – только всю жизнь бежать от нее, прячась от змеиного взгляда?

Со сдавленным стоном Марья перевернулась на живот, стукнула кулаком по полу. Нет, никаких пессимистичных мыслей, она справится, она сможет, и все снова будет хорошо...

...есть и еще выход, продолжил шептать тихий голос, так похожий на голос Финиста. Раз она стала монстром, то и поступи с ней так, как с монстром, – убей. Это больше не твоя сестра...

– Это еще посмотрим, – прошипела Марья сквозь зубы и рывком села.

От резкого движения зашумело в ушах и перед глазами расплылись цветные круги. Марья потрясла головой, словно пытаясь выбить дурные мысли, случайно оглянулась на Финиста.

Застыла.

Вокруг его тела по стеклу расплзались трещины, словно по льду, и из них тянулись тонкие призрачные ростки, сероватые спирали папоротника, уродливые шляпки поганок. Полу-прозрачные мхи расплзались по куртке Финиста, травы оплетали и обнимали его, и все – совершенно бесшумно. Марья поверила бы, что это морок, если б в ноздри не ударил терпкий и густой запах осеннего леса – влажной листвы, грибницы и гнили.

Одна из спиралей папоротника развернулась у самого лица Финиста, коснулась резными кончиками листьев его щеки. Он поморщился сквозь сон, но не проснулся. Марья нерешительно потянулась убрать побег в сторону; ладонь дрожала – а вдруг этот маленький кусочек призрачного леса нельзя трогать? Не попытается ли он перекинуться и на нее?

Ее отвлек тонкий мелодичный звон, как ледяные колокольчики из сна. От неожиданности Марья едва на месте не подпрыгнула, отдернула ладонь и оглянулась. Звон раздался снова, с галереи у лестницы. Марья прищурилась, пытаясь хоть что-то разглядеть в красноватом полумраке. Кажется, у самых ступеней что-то лежало – маленькое, круглое, тускло блестящее белым металлом.

Колечко. Только ребенку и будет впору.

Марья потянулась подобрать его, но оно выскользнуло из ее пальцев и, мелодично звеня, покатилося по ступеням вниз на первый этаж. Закрутилось спиралью и замерло на ребре, поджидая.

Марья застыла на верхней ступеньке, оглянулась на спящего Финиста. Он сказал – внутри можно ничего не бояться. Насколько он прав? И не лучше ли его разбудить?

Колечко нетерпеливо подпрыгнуло, мелодичный звон эхом раскатился по пустынному этажу торгового центра. Оно звало и манило, разжигая любопытство, но Марья слишком хорошо помнила, чего оно ей уже стоило однажды – когда она принесла домой удивительно красивые перья, рядом с которыми сладко шептал ветер.

«Тебя проводят, радость моя», – всплыл в голове скрипучий голос торговца с площади, в который вплелся мелодичный звон. Марья резко выдохнула и бесшумно сбежала по лестнице. Слишком соблазнительно, слишком рискованно...

Вообще все это затевать было рискованно, и раз она уже попала на эту сторону, глупо отсиживаться под крылышком мертвого сокола – он ведь только о своих интересах заботится. Если она хочет помочь сестре, а не только себе, то полагаться на Финиста нельзя.

Кольцо докатилось до дверей, и они разъехались абсолютно беззвучно. За ними по серой земле шелестел мелкий дождь, серебристыми искрами пронизывая густой неподвижный воз-

дух. Марья замерла на пороге, кусая губы и беспомощно следя, как кольцо катится по дороге, маня дальше и дальше.

И шагнула наружу.

* * *

Костер потрескивал и раскидывал искры, его бледное, почти призрачное пламя отражалось в черной глади рукотворного пруда. Неподвижная вода вообще отражала много чего – хищно изогнутую луну, ослепительно белых птиц с клювами, окрашенными кровью, кувшинки с лепестками, едва тронутыми гнилью, двух мужчин у костра, чьи черты неуловимо расплывались в звериные.

И только мужчины были реальными.

Старик устало сторбился и потирал руки. Ледяная морось испарялась высоко над костром, и у огня было тепло, но старческим костям этого тепла не хватало. Его спутник, статный, с длинной черной косой и высокими скулами, сосредоточенно опаливал на огне тонкую веточку барбариса.

– Вот и все, Андар, – со вздохом сказал старик, когда пламя стало низким и ровным. – Пора.

Юноша вскинул на спутника темные глаза, нахмурился.

– Да, ты прав – мне и самому это не нравится, – снова вздохнул старик, – но что поделать, не нам с духами спорить.

Он тяжело поднялся, опираясь на заботливо предложенную руку. Юноша все еще хмурился и прятал глаза. Старик ободряюще сжал его плечо.

– Я понимаю тебя, понимаю. И на моем сердце черно, чернее, чем у тебя. Я ведь не впервые ее сегодня увидел. Но нет стыда в том, чтоб поставить на великого хищника ловчую яму. Нет стыда в том, чтоб следовать велению духов.

Он говорил, и надтреснутый голос подрагивал. Он и сам не верил в свои слова, он и себя не мог ими убедить.

Они ушли, и огонь потух, но черная вода все еще продолжала отражать, как двое сидят у костра и птица-горе простирает над ними свои крылья.

6

Догони меня

Кольцо катилось все дальше и дальше, и Марья едва за ним поспевала, бежала вприпрыжку, перескакивая камни и выбоины. Шарф так и остался на полу торгового центра, и ветер жгуче щипал за шею. Волосы выбились из-под капюшона, лезли в глаза, а хрипкое дыхание вырывалось изо рта с белыми облачками пара, изморозью оседавшими на щеках.

Кольцо дразнило Марью: то почти замирало, позволяя сбавить шаг и отдышаться, то пускалось вперед большими скачками. Марья боялась потерять его в ночной темноте, но оно блесло, словно отражало бледный свет невидимой луны.

Вместо окон и фонарей город освещал сам себя – слабо светились стены домов, проступая из темноты, мерцали контуры деревьев, светлячками рассыпались искры. Оглядываться было некогда, Марья даже не задумывалась, в какую часть лабиринта ведет ее кольцо. Иногда краем глаза она замечала жуткие фигуры, сгорбленные или, наоборот, худые и прямые, как палка, но никто не пытался остановить ее или заступить ей дорогу. Словно торговец, передавший таким странным образом приглашение, берег ее. Словно твари видели в ней чужую жертву и не желали с хищником ссориться.

Мысли мелькали в такт бегу, дробясь на бессмысленные обрывки и исчезая прежде, чем Марья успевала обдумать их до конца. Она думала: надо было оставить записку Финисту. Она думала: не надо, я постараюсь вернуться до того, как он проснется. Она думала: а как я найду дорогу обратно?

На перекрестке у сквера она все-таки потеряла кольцо из виду. Марья остановилась, пытаясь отдышаться, и холодный воздух обжег легкие. Она запрокинула голову – дождь закончился и тучи медленно истаивали, обнажая иссиня-черное небо, усыпанное солеными кристаллами звезд. Улыбкой кота-баюна плыл хищно изогнутый месяц, и небо вокруг него расплывалось раной, взрезанное его острыми рогами. Звезды медленно вращались, словно были не далекими светилами, а рисунками на куполе планетария. Марья нашла полярную звезду – яркую, колючую, белую, как первый лед, – медленно повернулась вслед за ней, как подсолнух за солнцем.

А потом звезда исчезла, словно трещина прорезала купол и проекция звезд утонула в ее глубине. Тьма, гораздо старше и страшнее бескрайнего космоса, жадно подглядывала в эту щель и тянула щупальца, пытаясь утащить к себе больше и больше звезд.

И не только звезд.

Марья поспешно опустила голову, растерла затекшую шею. У ног блеснуло что-то – мелко и холодно, застывшей каплей лунного света. Марья подняла кольцо, и оно безжизненно осталось лежать на ее ладони – ледяной ободок из дешевого металла. Марья сжала пальцы, и мороз прострелил ладонь до костей, словно иглы в кожу вогнали. Но она давно привыкла ко всем лицам холода, чтоб выпустить свою путеводную нить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.